Від редакційної колегії

Нове видання, започатковане Міжрегіональною асоціацією дослідників військової історії (МАДВІ), яка щойно відкрила своє відділення в Одесі, покликано популяризувати військово-історичні дослідження в Одесі та, сподіваємось, на Півдні України. МАДВІ – це громадське об’єднання, що згуртувало зацікавлених різноманітними аспектами військової діяльності людства істориків – професіоналів і аматорів. Організація досить віртуальна, оскільки не має жодного офісу чи іншого подібного помешкання, а спілкування між її членами відбувається здебільшого на конференціях чи за допомогою електронної пошти.

Міжрегіональна асоціація дослідників військової історії планує випускати збірник щокварталу (звичайно, за наявності відповідного матеріалу). Тому ми запрошуємо до співпраці всіх дослідників, що займаються будь-якими військово-історичними дослідженнями – від стародавніх та новітніх бойових операцій до спеціальних історичних дисциплін – військово-історичної історіографії, емблематики, вексилології, уніформістики, тощо.

Матеріали, що надійдуть на редакційну пошту (polihon@bigmir.net), крім сторінок збірника, будуть опубліковані також на Інтернет-сторінці нашої асоціації – madvi-odesa.mylivepage.com.

Розвідки. Статті. Повідомлення.

Шляпкин В.В. (*Одесса*)

РОНИН – СУМРАЧНЫЙ САМУРАЙ-ОДИНОЧКА

“Ум – цветок непростой.
Есть много примеров
тому, как цветок
распускается,
но не плодоносит.”
Набэсима Наосигэ.

Ро́нин (яп. 浪人, ро:нин, букв.: «блуждающие волны», «странник») − деклассированный самурай феодального периода Японии (1185-1868), потерявший покровительство своего сюзерена, либо не сумевший уберечь своего господина от смерти. Этимология термина ронин восходит к периодам Нара и Хэйан, когда он означал слуг, бежавших с земель своего господина.

Другими словами, это была одна из форм протеста крестьян против угнетения. Беглых крестьян, покинувших свои деревни и уходивших бродяжничать, стали называть «ронин», «фуронин» и «футо» (букв.: «бродяга», или «человек-волна»). Позднее термин «ронин» стали применять к самураям, утратившим вассалитет и место в своей организации в силу добровольного ухода из неё, изгнания воина из самурайского клана или роспуска вассалов умершего (убитого) князя.

Многие из беглых крестьян группировались в разбойничьи шайки, которые занимались грабежами на больших дорогах, нападали на поместья даймё или же шли на службу в частные владения − сёэн, становились служилыми людьми (сохэй) при крупных буддийских храмах.

Тяга ронинов в сёэн, с одной стороны, и нужда владельцев поместий в ронинах, используемых ими в качестве военной силы для подавления крестьянских восстаний, борьбы с отрядами беглых крестьян и соседними даймё стремившихся урвать для себя лучшие земли – с другой, привели к созданию нового сословия общества, оторванного от экономики – самураев, или воинов (буси или букэ).

Феодальные междоусобные войны X – XII вв., являвшиеся следствием политической раздробленности страны и возникшие в результате борьбы крупных даймё за власть и территориальное преобладание, длившиеся десятилетиями, подорвали экономику всех провинций Японии, вызвали упадок земледелия; из-за войн

крестьянство на долгое время отрывалось от земли, подвергалось нещадной эксплуатации и поборам, облагалось все новыми и новыми налогами. Ухудшение положения крестьянских масс приводило к частым крестьянским восстаниям, к которым нередко примыкали ронины и разорившиеся самураи. Наиболее значительным из них было восстание крестьян провинции Ямасиро, установившее крестьянское самоуправление, которое просуществовало восемь лет (1485-1493)[1].

Ронинов существовало великое множество, по оценкам некоторых авторов около 400 тысяч, но всех их можно подразделить на три большие группы:

- богатые вассалы, добровольно оставившие свои посты;

- «уволенные» за какой-либо «мелкий проступок» своими хозяевами. Ронины, принадлежавшие к этой группе, обычно пытались заслужить прощение и искупить свою вину, чтобы им разрешили вернуться на прежние должности;

- ронины, изгнанные из клана за провинности, проступки или жадность, располагающиеся на самом дне. Такие ронины не афишировали имена своих бывших хозяев.

Групп ронинов мы выделили всего три, но причин, по которым самурай мог стать ронином, значительно больше. Прежде всего самурай мог сразу родиться ронином, если его отцом был самурай без хозяина, но не желавший отказаться от статуса воина. Преданный слуга мог быть уволен со службы или сам подать в отставку, чтобы совершить какое-либо рискованное мероприятие, могущее бросить тень на клан или на хозяина. Например, самурай желал покарать обидчика своего господина, но пока он связан с кланом, он не может этого сделать, чтобы в глазах общественности клан и господин не считались сообщниками. Тогда самурай становится ронином, разрывает связи с кланом и господином и отправляется осуществлять задуманное, после чего возвращается обратно в клан. После появления в Японии европейцев многие самураи отправились к ним в обучение, став предварительно ронинами, чтобы затем поделиться с кланом полученными знаниями. Также статус ронина можно было получить, присоединившись к клану ремесленников.

Ронины были предоставлены сами себе и не имели стабильных и видимых средств к существованию, поэтому многие из них обучали воинским искусствам за плату – тех, кто мог себе это позволить. Часто они поступали на службу в качестве телохранителей (ёдзимбо) к богатым торговцам. Многие другие существовали за счет грабежа − то есть присоединялись к бандам разбойников (или основывали свои собственные), чье присутствие отбрасывало страшную тень на сельские районы.

Ронины блуждали по сельской местности, скрывались в крупных городах и в конечном счёте должны были выработать определённую

независимость мышления, чему способствовало владение оружием, бывшим для них как законом и обычаем, так и средством к существованию. Ронины по-прежнему презирали простолюдинов, некоторые даже начали держаться с вызывающей наглостью со своими прежними товарищами по оружию, но большая часть всё так же хотела обрести нового господина[2].

Стоит отметить, что среди самураев хатамото-якко, состоявших на службе у сегуна, было немало ронинов, не принадлежащих ни к одному из кланов. В период частых междоусобных войн они добывали себе средства на жизнь грабежом побежденного противника. Но с наступлением сравнительно мирной Эры Токугава они потеряли такую возможность.

В результате, немало самураев стали организовываться в банды кабуки-моно, и начали бродить по всей Японии, совершая опустошительные набеги на города и деревни. В свою очередь, местные жители предпринимали ответные меры и собирали свои вооруженные отряды, называемые мати-якко. Примером может служить фильм японского режиссера Акиры Куросавы “Семь самураев.”[3].

Многие ронины старались занять в обществе доступные им полувоенные должности городских стражников или командиров отрядов, организованных для защиты различных объектов – деревень, хозяйств, складов и т.п. Иногда такие воины демонстрировали столь выдающиеся боевые навыки, что какой-нибудь даймё предлагал им присоединиться к своему клану и таким образом ронины могли вернуться в родной класс. Лучшие военачальники страны признавали их боевой потенциал.

В интересах выживания ронин должен был обладать весьма обширным диапазоном знаний в области воинских искусств – насколько это вообще возможно для человека. Причём он должен был владеть как традиционными методами боя, практиковавшимися представителями воинского сословия, так и теми, что были распространены среди простонародья[4].

Боевые искусства, или будзюцу, многим обязаны этим воинам. Они были идеальными бойцами – идеальными благодаря своей самодисциплине. Даже огромные армии Иэясу практически ничего не могли поделать с отрядами ронинов, «которые лишись всей собственности после битвы при Сэкигахара» и впоследствии были наняты Хидэери для защиты в Осака. Будучи искусными воинами, а также в силу своей личной ненависти к Иэясу, они стали для него грозными врагами. Только длительные переговоры, усыпившие бдительность защитников и приведшие к неразумному ослаблению обороны, в конце концов, позволили войскам Иэясу взять замок штурмом. Но, как рассказывает Нисида, даже после этого отряд ронинов, во главе которого находился знаменитый фехтовальщик

Санада Юкимура, используя копья и мечи со смертоносной эффективностью, проложил себе путь сквозь ряды врагов и вплотную приблизился к главному штабу Иэясу, к ужасу его генералов и вассалов.

До Хидэеси и Иэясу Ода Нобунага в самом начале своей карьеры полководца осознал огромную ценность людей, ставших отверженными из-за превратностей политики и/или войны. Акэти, который в конечном итоге убил Нобунага, был простым ронином, чье боевое мастерство и личные качества произвели такое большое впечатление на Нобунага, что он возвысил его до положения другого знаменитого генерала, Хидэеси.

Мирное течение правления Токугава постоянно нарушали заговоры ронинов и покушения на жизни представителей официальной власти, совершенные или спланированные ими. Имена отдельных личностей, особенно опасных ронинов, можно встретить в анналах тайной полиции сегуна. Одним из таких бунтарей был Сесэцу, странствующий ронин, который путешествовал по всей Японии в начале периода Токугава, испытывая свое искусство владения мечом в поединках с мастерами будзюцу, и в то же время устанавливал дружеские отношения и заключал союзы с другими воинами. В конечном итоге он тайно собрал отряд из пяти тысяч воинов, стратегически рассредоточенных внутри и вокруг Эдо (некоторые из них даже обучали боевым искусствам правительственных чиновников). Хотя полиция, предупрежденная некими торговцами и ростовщиками, которые поначалу согласились финансировать заговор, задержала Сесэцу и главных его помощников накануне того дня, когда заговорщики собирались поднять восстание, ей не удалось представить сегуну живых пленников – только трупы с животами, рассеченными в соответствии с правилами ритуального самоубийства[5].

Восстание на Симабара – мятеж, которому по причине его религиозной подоплеки много внимания было уделено западными историками. Само восстание началось как крестьянский бунт, возглавленный горсткой отчаянных ронинов, которые восстали против чудовищных злоупотреблений местного даймё, Мацукура Сигэхару. Мало у кого из повстанцев было оружие, когда начался мятеж, но они быстро восполнили этот пробел, заманив в засаду правительственный карательный отряд. Затем они укрылись в полуразрушенном замке Хара на полуострове Симабара, который наскоро восстановили. Вскоре на стенах замка появились христианские знамена и большие деревянные кресты, и он превратился в средоточие сопротивления любым формам угнетения. Считают, что в замке собралось до 37 000 человек, включая женщин и детей, когда Итакура Сигэмаса попытался взять его штурмом во главе 50-тысячной армии. К великому изумлению и негодованию самураев, им пришлось отступить с большими потерями. Во время очередного приступа, в день японского нового года

в 1638 г., Итакура был убит, а его преемник Мацудайра Нобуцуна начал блокаду замка. И здесь, уже не в первый раз в истории Японии, пришли на помощь европейские «торговцы оружием». Голландские пушки бомбардировали замок с суши, а голландские корабли обстреливали его с моря. Голландское участие, однако, вскоре прекратилось − в лагерь осаждавших были выпущены из замка стрелы с посланиями, где их осмеивали за то, что они полагаются на иностранцев. К 4 апреля 1638 г. в замке кончилась провизия, а вылазка, которую осажденные предприняли, чтобы захватить припасы, окончилась неудачно. 12 апреля осаждавшие атаковали ослабленный гарнизон, и им удалось прорваться через внешние стены. После двухдневного сражения замок пал, хотя его защитники отбивались до последнего, используя в качестве оружия горшки и кухонные котлы. Восстание на Симабара было потрясением для сёгуната. Толпа христиан, земледельцев и ронинов, смогла противостоять армии хорошо обученных, как считалось, самураев. Это событие было предвестником упадка самурайства[6].

На протяжении 250 лет периода Эдо, при жесткой классовой системе сёгуната, количество ронинов сильно увеличилось. Понятие ронин стало особенно актуально в период Эдо, когда классовая система сильно усложнилась[7]. Если в предыдущие годы самурай был волен переходить от одного покровителя к другому, менять род деятельности и осуществлять внеклассовые браки, то теперь ему это было запрещено; он также не мог быть нанят другим господином без разрешения его прежнего покровителя. Кроме того, неродовитые самураи, зачастую обедневшие и не имевшие свободы выбора, были вынуждены уходить от своих сюзеренов.

В соответствии с японскими культурными традициями, ронин был зачастую фигурой постыдной, подвергавшейся насмешкам и унижениям. Статус ронинов был незавидным, так как они не получали постоянного жалования от своих господ, что, в свою очередь, было необходимым условием для каждого настоящего самурая. Существовала даже поговорка «семь падений, восемь подъёмов», означавшая право самурая уходить в странствия сроком на год семь раз за время служения, каждый раз возвращаясь на службу к своему покровителю. Непривлекательность положения ронина, очевидно, подогревалась самураями, которые, будучи жестко обременены своими обязанностями, возмущались личной свободе ронинов. Существовало много преданий о простом ронине, защищавшем бедных поселян от заносчивого самурая, способного убить любого, посмевшего ему возразить. С другой стороны, есть повествования о потерявших господ, необученных, безработных горе-самураях, просуществовавших как класс вплоть до Реставрации Мэйдзи. Фактически они являлись

ронинами, хотя мало отличались от городских сорвиголов, отчаянно искавших «приключений».

Не менее важной задачей третий сегунат считал консервацию сложившегося в Японии к началу XVII в. политического и общественного строя. Сословной системе и строгому соблюдению отношений господства и подчинения в этот период уделялось особое внимание. Деление общества на сословия, введенное Хидэеси, осталось почти в неизменном виде с той лишь разницей, что сословие горожан стало подразделяться на ремесленников и купцов.

Вне всех этих категорий стояли ронин, или роси – самураи, утратившие место в своём клане (хан). Они покидали своего сюзерена по его принуждению (в случае разрыва договора между господином и слугой, что бывало крайне редко) или же добровольно (например, для совершения кровной мести, после исполнения которой могли вернуться к своему хозяину). Многие ронины, лишённые средств к существованию, искали нового покровителя или становились на путь грабежа и разбоя, объединяясь в банды и терроризируя жителей мелких деревень, путников на дорогах. Среди ронинов вербовались также наёмные убийцы.

Эпоха правления сёгунов Токугава была временем наивысшего расцвета сословия самураев, окончательного сложения его идеологии, культуры и обычаев.

Самураи, превращавшиеся в ронинов, шли в города и начинали заниматься делами, не дозволенными представителям их сословия: ремеслом, мелкой торговлей, становились учителями, художниками и т.п. Многие ронины, не способные к работе в виду своей полной неподготовленности к практической деятельность или сословных предрассудков, влачили жалкое существование, ничем не отличаясь от низших сословий. Нередко такие люди принимали участие в крестьянских восстаниях, иногда возглавляя их, присоединялись к выступлениям горожан.

К середине XIX в. процесс разложения самурайства достиг своей высшей точки. Система общества, разделявшая население Японии на привилегированные и низшие сословия, фактически перестала существовать. После насильственного «открытия» страны для внешней торговли с развитыми капиталистическими странами Европы и Америкой система натурального хозяйства была почти окончательно разрушена. Дешевые иностранные товары наводнили японский рынок, вызвав тем самым развал экономики, который отразился на положении всех слоев населения. В этих условиях с еще большей силой разгорелась борьба между самурайской оппозицией, в которую входили и ронины, против токугавского режима. Самураи и ронины, поддерживаемые и направляемые представителями промышленной и торговой буржуазии, выступали под антисегунскими лозунгами «изгнания варваров»

(иностранцев) и «почтения к императору». Результатом этих событий и гражданской войны, последовавшей за ними (1866-1869), было свержение 15-го сегуна династии Токугава Есинобу (Кэйки) и восстановление власти императора, которое получило название в японской истории «Мэйдзи-исин», или «обновление Мэйдзи».

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Самураи. Часть I: причины возникновения, становление и упадок // Газета Киокумицу; Ветка сакуры // http://yakudzy.ru/2007/01/11

2. *Кальчева А.* Ронин // http://leit.ru//2007/02/20

3. Якудза – правда о японской мафии // http://www.wiki.mafiaonline.ru

4. *Кальчева А.* Указ. соч.

5. *Ратти О., Уэстбрук А.* Тайны древних цивилизаций. Самураи. – М., 2007. – С. 156-160.

6. *Тернбул С.* Самураи. Военная история. – СПб., 1999. – С. 286-288.

7. http://www.samuray.ru/text/53

Скрипниченко М.С. (*Одесса*)

ВОЕННАЯ ЭТИКА ВО ФРАНЦИИ В ЭПОХУ ГРАЖДАНСКИХ (РЕЛИГИОЗНЫХ) ВОЙН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI ВЕКА

«Труп врага всегда пахнет хорошо.»
Карл IX

Гражданская война – явление уникальное, ведь, в сущности, это есть борьба между собой частей одного целого; является ли это явление настолько актуальным в современном мире с его тенденцией к глобализации, которая, казалось бы, уничтожила уже остатки европейского феодализма? Или, несколько иначе, – является ли оно «повсеместным»?

Любое общество, ограниченное определенными рамками некого политического образования, носит в себе противоречивые элементы, и, таким образом, это общество является принципиальной системой, которая сохраняет внутри себя равновесие разнообразных сил. Если в пределах этой системы количество ее внутренних сил уменьшается, то соответственно возрастает количественная характеристика оставшихся сил. При этом растет и их взаимная антагонистичность, общая обостренность в системе. Это и есть объяснение, «тело», картина гражданской войны.

Подобная формулировка применима к любому случаю и любой эпохе; «препарируя» гражданскую войну, историк получает прекрасную возможность раскрыть проблемы собственного времени, проследить их начало и влияния. Ведь этика современного ведения войны базируется в том числе и на этике западноевропейского Средневековья, пусть и с большими изменениями (что, впрочем, тоже очень спорно).

Понятие «военная этика» в применении к эпохе Гражданских войн означает множество правил и предписаний, которыми в своих военных действиях руководствовались гугеноты и католики, качества, ценимые представителями разных лагерей (то есть «идеальный воин» в представлении католиков и гугенотов), а также реализацию этических представлений на практике простыми воинами и представителями аристократической элиты. Источниками по данной теме служат различные воспоминания современников, государственные указы, хроники, записки путешественников, которые отображают морально-этическую и военную сферу жизни тогдашней Франции.

Характерно для эпохи то, что внешняя форма войны приняла религиозный характер. Однако даже при поверхностном знакомстве с темой легко обратить внимание на тот факт, что религиозная окраска

выходит далеко за пределы Франции. Можно вести дискуссии о том, был ли предтечей французского антикатолического движения Лефевр д'Этапль или Лютер, но нельзя отрицать вышеуказанного.

Посему, не отвергая религиозного фактора формирования специфической для Франции XVI века этики войны, следует учитывать политический фактор как фундаментальный. От Амбуазского заговора до Нантского эдикта, на протяжении всех девяти войн, от Франциска II до Генриха IV Франция была движима именно политическим интересом, а различие религий лишь подогревало обстановку, и чаще всего – искусственным путем. Например, понятие «tyrannie papale» («папская тирания») носит ярко выраженный политический смысл.

Итак, относительно знаменитых французских гражданских войн можно называть две условные силы, сконцентрировавшиеся во Франции, две политические группировки – это католики и гугеноты. «Гугенотами» называли кальвинистов примерно с 1560 года. Название, возможно, происходит от немецкого слова «Eidgenossen», означавшего союзников и намекавшего на связь общины кальвинистов с Женевой, где проживал Кальвин. Но это лишь наиболее распространенная версия. Заметим, что все термины и понятия относительно той эпохи, которыми мы оперируем сейчас, возникли уже во время самих Гражданских войн.

Большой размах репрессии против кальвинистов и сочувствовавшего им населения приняли еще в период царствования Франциска I. «...Со второй половины тридцатых годов... преследование реформации шло уже от имени короля...», – пишет З.В. Гуковская в предисловии к русскому изданию «Гептамерона» Маргариты Ангулемской. Именно Франциск окончательно сделал французскую корону главной противной протестантам стороной, и в своей нетерпимости стал подавать пример народу.

Когда в 1550-х годах к гугенотам присоединились представители социальной и политической элиты, усугубление религиозно-политической распри пошло еще быстрее. В 1558 году, например, после облавы на улице Сен-Жак среди задержанных гугенотов оказалось несколько титулованных особ. Кальвинистам симпатизировали такие фигуры, как королева Наварры Жанна д'Альбре (дочь Маргариты Ангулемской), ее муж Антуан де Бурбон – видный представитель параллельной линии Бурбонов, его брат принц Конде, ветеран войны и адмирал Франции, любимец народа смельчак Гаспар де Колиньи. Колиньи, Конде, а также католик Мишель де л'Опиталь состояли и играли важную роль в регентском совете Карла IX, председательствовала в котором Екатерина Медичи. В совете эти вельможи стояли за терпимость к протестантизму. Накалялась и экономическая обстановка: «В продолжение 12 лет (1549-1561) короли Франции взяли с народа гораздо большую сумму податей, чем прежде в

течение 80 лет...». Разумеется, не могло не выплескиваться «...недовольство.., которое накопилось в течение полувека против власти, так бесцеремонно начавшей обращаться с правами и вольностями народов, и все сильнее и сильнее душившей народ». Удачной формой для выражения этого «недовольства» для одних стало протестантство; другие же, наоборот, в бедствиях французского народа обвиняли гугенотов как вносящих раздор в жизнь общества.

Организованные в конце 1561 года в Пуасси переговоры между представителями двух религиозных течений не принесли взаимопонимания сторонам. Ситуация усугубилась рядом кровопролитных столкновений, в которых и протестанты, и католики проявили крайнюю жестокость: сожжение церкви Сен-Медар в конце 1561 года; война марта 1562 года, в которой войска католического паладина герцога де Гиза напали на протестантскую ассамблею в Васси в Шампани. Результат «происшествия в Васси» – десятки погибших с обеих сторон.

Как часто происходит в подобных случаях, каждая сторона считала себя правой, и вера эта была настолько незыблема, что исключала всякую возможность компромисса. Католики, по мнению гугенотов, – пьяницы, развратники и лгуны; гугеноты же у католиков были чем-то вроде чудовищ, пожирающих детей, в лучшем случае – надменными святошами, не упускающими случая выразить свое презрение по отношению к иноверцам-папистам. На войне приветствовалась жестокость, так как она носила в себе, пожалуй, идеологические зачатки современной тактики террора: запугивание противной стороны, внесение раздора, ужаса, смятения в стан врага.

Интересно, что именно «избиение в Васси», а не «жестокости» в Сен-Медаре привели к началу религиозных войн.

Девять религиозных войн пронеслись в период с конца 50-х годов XVI века по 1598 год, с перерывами на перемирия и безуспешные попытки примирить конфликтующие стороны. Театром военных действий стала вся страна. На этой сцене вера билась с верой, политическая династия с политической династией: Бурбоны, правившие в Пиренеях маленьким государством Наварра, стали лидерами движения гугенотов, а семья Гизов, владевшая обширными территориями на севере и востоке Франции, возглавила консервативную партию католиков. Монморанси и Колиньи держали нейтралитет. А над всем этим, отчаянно стараясь быть выше происходящего и не дать королю превратиться в заложника одной из сторон, стояла Екатерина Медичи. Но нежелание короны определиться в своей позиции обескураживало враждующих и подталкивало к самостоятельности.

С обеих сторон следовал ряд бесполезных политических жестов, но, тем не менее, одно событие все же полностью уничтожило движение

гугенотов по крайней мере в Париже (хотя оказалось залогом их победы в будущем). Событием этим стала бойня в ночь на праздник Святого Варфоломея в 1572 году, оставившая глубокую рану на теле города, а также в религиозной и политической истории всей Франции. За прошедшее десятилетие гугеноты образовали довольно крупную политическую и военную партию. Множество городов, особенно на юге и юго-западе, объявили о своей приверженности идеям гугенотов. Сильные аристократические семейства – например, Конде и Колиньи – давали им защиту и поддержку. У монархии же военной мощи не хватало, так как финансировать армию она не могла, а гарантировать ее лояльность – и подавно. Из-за постоянного возникновения и исчезновения политических фракций положение Екатерины Медичи было весьма неустойчивым. В столкновении при Сен-Дени в 1567 году военизированные отряды горожан успешно отбили атаку гугенотов на Париж. Но сделать это удалось ценой больших потерь, что ожесточило католиков-парижан. Для предупреждения еще одной подобной попытки захвата города регентша решила успокоить страсти, организовав брак сестры короля Карла IX Маргариты Валуа с сыном Жанны д'Альбре Генрихом Наваррским – одним из лидеров гугенотов. Церемония должна была состояться в соборе Парижской Богоматери в августе 1572 года.

Но дела пошли из рук вон плохо. Историки до сих пор стараются понять, кто из участников событий несет ответственность за случившееся, и в какой мере. Казалось, что на начальной стадии конфликта радикальные католические лидеры задались целью уничтожить как можно больше оппонентов. Главным среди противников они считали адмирала Колиньи, который занял самое высокое место в регентском совете (фигура адмирала, впрочем, часто использовалась протестантами в качестве флага, но его реальное участие в некоторых крупных политических предприятиях многими неоднозначно отрицается – к примеру, можно утверждать, что об Амбуазском заговоре Колиньи вообще не поставили в известность: «Coligny is kept in the dark about it»). Воспользовались ли заговорщики как поводом наплывом в город гугенотов, прибывших на свадьбу, или действительно опасались, что их противники решат провести государственный переворот, неясно до сих пор.

Покушение на Колиньи 22 августа провалилось, но никак не разочаровало заговорщиков – наоборот, они действовали в соответствии с тактикой Карла IX и его матери. Об актерских способностях Карла стоило бы вести отдельный разговор. Он являл миру столько благороднейшей вежливости, щедрости и родственной любви, что обманул практически всех, кто наблюдал его игру – и гугенотов, и католиков; «братец Шарль» словно забыл даже о многолетней ненависти ко всем относящимся к роду Бурбонов, и таким же образом,

но более сдержанно, вела себя и королева-мать, и Генрих Наваррский также был любящим членом семьи, словно бы и забывшим былую неприязнь, доходившую ранее почти до бунта: «... le Roi de Navarre, soit par la douceur de son père, que de la haureur et de l'inflexibilité de sa mère, soit parce que les conjonctures l’obligeoient à seindre et à dissimuler, se conduisit avec beaucoup de respect et de vénération envers la Reine sa belle-mère et le Roi son beau-frère, et n'opposa qu'une conduite également noble et prudente aux caprices et aux inégalités de la Reine son époule. II témoignoit à tout le monde tant de politesse, de libéralité, des sentimens si nobles et si dignes de sa naissance, qu'il sembloit éteindre la haine depuis si longtemps allumée contre les Princes du Sang, et rendoit cher et agréable à la Cour et au peuple le nom de Bourbon, jusq'alors odieux et détesté. Cette affection générale s'infinua bientôt dans le coeur du Roi lui-même et de la Reine-mère. La proximité du Sang, et les grandes espérances qu'ils concevoient de jour en jour de la candeur et de la modération de ce Prince, les déterminerent à le sauver du massacre, aussi-bien que le Prince de Condé». Из приведенного отрывка ярко проступает лицемерие королевской семьи. Всячески очаровывая благородных протестантов, Карл любезничал с Генрихом Наваррским; «советовался» насчет государственных дел с Колиньи, называя его «своим дорогим отцом»; и можно себе представить, какое яростное и мрачное чувство король Карл (которого считают «заказчиком» убийства Колиньи) заглушал в себе, улыбаясь адмиралу, вместе с группой придворных навещая раненого в его собственном доме.

Видя пример короля, католики и при дворе, и при народе фактически братались со своими недавними врагами. Это неестественное согласие было жутким и оказалось непродолжительным.

В ночь на праздник Святого Варфоломея – 24 августа 1572 года – звон колоколов церкви Сен-Жермен-л'Оксеруа, стоявшей неподалеку от Лувра, стал сигналом для бодрствующих католиков к началу организованного избиения гугенотов, находившихся в городе. Генриха Наваррского и молодого принца Конде пощадили, но лишь для того, чтобы использовать в качестве заложников и в надежде на их обращение в католичество.

Ни пол, ни возраст, ни слабость и беззащитность избиваемых не могли пробудить в сердцах парижских католиков милосердия. Его не существовало по отношению к представителям другого вероисповедания.

Надо сказать, что если бы «Варфоломеевскую» резню «перевернуть» так, чтобы католики и гугеноты поменялись местами, протестанты проявили бы не меньше жестокости. Лишь сложилось так, что протестанты в истории остались невинными жертвами католицизма. Зато какими жертвами! Ужасы тех дней, записанные по большей части будничным тоном католиков, до сих пор устрашают

читателей хроник и мемуаров. «Хороший индеец – мертвый индеец», – смеялись некогда в Америке. Король Карл выразил эту мысль почти теми же словами: «Труп врага всегда пахнет хорошо». В представлении католических воинов «хорошими гугенотами» могли быть лишь трупы. В военной этике католиков XVI века жестокость была практически тождественной смелости и верности. Враг должен был истребляться физически и без всякой жалости. Кровь в ту ночь текла рекой по улицам Парижа.

Распаленные убийствами, католики с оружием в руках вломились и в дом к Гаспару де Колиньи. Адмирал только проснулся и приподнялся на постели. Старик ещё не оправился от ран, полученных при неудачном покушении на его жизнь, но убийц это не остановило. Колиньи был выброшен из окна, над его телом надругались: «голова его была отделена от туловища, а позорные члены его разрезаны на мелкие кусочки... маленькими детьми». Бойня приняла всеобщий размах.

Хроники передают нам, что избиение гугенотов продолжалось весь день воскресенья и следующий день, понедельник. Король официально одобрял насилие: «Убейте их всех, это приказ короля», – повелел Гиз. В какой-то момент ситуация стала выходить из-под контроля – толпы принялись громить дома богатых католиков наравне с гугенотами.

Беззаконие творилось такое, что до смерти запуганный немец Гейцкофлер, свидетель происходящего, заметил, что «если у кого-либо был враг, он мог сделать так, чтобы его разорвали на куски, просто назвав его гугенотом». Воды Сены покраснели от крови тел, сбрасываемых в реку. Это был, как пелось в одной жестокой песенке, способ «доставить новости в Руан [протестантскую твердыню] без всяких лодок».

Режим комендантского часа продержался в городе несколько недель, но к вечеру 27 августа гугенотов в количестве 1500-2000 человек полностью уничтожили (некоторые современники считали, что их было гораздо больше) – и к тому же самым жестоким образом.

Варфоломеевская ночь разгромила движение протестантов и лишила их всех политических козырей. В провинции, откликнувшейся на события Варфоломеевской ночи, пали 8000-10 000 гугенотов.

Эта религиозная бойня стала самой крупной из всех конфессиональных конфликтов Европы периода Реформации, самой кровавой победой всех религиозных войн.

Под добивание протестантов по провинциям парижские католики, привыкшие преувеличивать свои победы, праздновали случившееся с какой-то дикой и неистовой радостью.

Популярность жестоких мер сильно повредила делу гугенотов в Париже. Город перестал быть местом религиозной конфронтации двух

сообществ и превратился в фанатичного сторонника католичества в целом и рода Гизов в частности.

После особенно кровавого 1572 года мрачное перемирие снова сменилось войной. Религиозные столкновения откатились на юг и запад Франции. Новый король Генрих III (правил в 1574-1589 гг.) решил, что содержать армию, чтобы защищать интересы обеих сторон, слишком накладно. Генеральные Штаты, созванные Генрихом в 1576 году, утвердили новую точку зрения, вскоре названную politique, – другими словами, совет высказался за политическую стабильность и хоть какую-то религиозную терпимость. Но идеи politique тогда не имели военной поддержки, в отличие от доктрин католиков и гугенотов.

Генрих III был пассивен, популярностью в народе не пользовался и постоянно находился под угрозой потери трона: враждовал с Католической Лигой, где заправляли Гизы, боялся козней Генриха Наваррского, и в конце концов был заколот религиозным фанатиком, доминиканским монахом Жаком Клеманом, получившим из-за обстоятельств убийства прозвище «Жак-Ты-Где».

Во времена правления Генриха IV Бурбона, сменившего династию Валуа на французском троне, предпринимались попытки примирить католическое и протестантское население. Самому Генриху, в сущности, до религии было мало дела. Когда ему было выгодно слыть гугенотом, он становился гугенотом; когда интересы приводили его к католичеству, он не отказывался и от католичества. Когда же этот расчетливый и обаятельный человек осознал, что для укрепления собственной власти ему неизбежно потребуется свести эти два потока в одну реку, он произвел на свет свое главное политическое детище – Нантский эдикт веротерпимости (в западной историографии – Эдикт толерантности) 13 апреля 1598 года. Хотя государственной религией остался католицизм, гугеноты могли теперь беспрепятственно отправлять религиозную службу в местах традиционного проживания (за исключением Парижа), проводить церковные соборы. Был снят запрет на занятие протестантами государственных должностей.

Эдикт продержался до последнего периода царствования Людовика XIV и был подорван интригами фанатичной католички Ментенон. Но по своему значению для XVI века Нантский эдикт явился эпохальным – он считается концом Гражданских войн.

История тех десятилетий предстаёт перед нами сквозь постоянный красный туман. Его способен рассеять лишь холодный рассудок объективного ученого – и путем понимания логики тогдашних политиков. Военная этика же прежде всего позволяет максимально достоверно разобраться в субъективной стороне Гражданских войн. Ясно видно, что враждующими превозносились качества, которые сейчас бы посчитали негуманными и варварскими (а

речь ведь идет об эпохе позднего Возрождения!). И католический, и протестантский воин руководствовался прежде всего предписаниями своей конфессии и приказами своего непосредственного сюзерена. В этом есть и положительные, и отрицательные моменты. Разумеется, религиозная нетерпимость принимала самые крайние формы, это прежде всего бросается в глаза. Но религиозная верность при этом достигала высшего уровня, поэтому можно говорить о том, что, несмотря на различные жестокости и, на первый взгляд, отсутствие рационализма в действиях, солдат Гражданской войны был последователен и стойко постоянен в своем мировоззрении и морально-этических принципах. И тем больше, чем ниже стоял он на общественно-политической лестнице, поскольку элита, вершившая государственного уровня дела, во главе с французской, да и наваррской коронами, руководствовалась прежде всего своими собственными интересами и часто производила некую подмену своих убеждений, чтобы соответствовать сиюминутной политической ситуации (например, широко известно принятие Генрихом IV, одним из лидеров гугенотов, католичества 25 июля 1593, что окончательно обезоружило большинство его противников. 22 марта 1594 Генрих вступил в Париж – в соответствии со знаменитым приписываемым ему высказыванием: «Париж стоит мессы». И через два года после принятия Генрихом католичества Папа Римский даровал ему отпущение, тем самым аннулировав прежнее отлучение от церкви). Французский религиозный фанатик XVI века имел оружие в руках и полную убеждённость в сердце, вне зависимости от того, сколько и какие обряды он совершал и какому господину служил.

Общим выводом из данной статьи является мысль о том, что основой этики Гражданских войн, где бы и в какое время они не происходили, является фанатизм и слепая жестокость, и в то же время – храбрость и самоотверженность. Французские войны между католиками и гугенотами стали классическим примером гражданской войны.

Тема этики гражданских войн является неисчерпаемой; можно брать примеры из истории разных времен и народов, из устных и письменных рассказов оставшихся в живых очевидцев. Исследование этой темы чрезвычайно важно для каждого общества, ведь пути и проложенные некогда колеи гражданских войн повторяются с завидным постоянством в мельчайших деталях.

Забіяка Ю.В. (*Київ*)

ЗБОРІВ І БЕРЕСТЕЧКО: БОЙОВІ ОПЕРАЦІЇ, ДОГОВОРИ ТА ПРАВОВИЙ СТАТУС УКРАЇНСЬКОЇ ДЕРЖАВИ

Інтегральною складовою дослідження історії України та її державницьких традицій є питання, пов’язані з такими явищами історії українського народу, як козаччина та гетьманщина. У подіях, що відбувалися на українських землях, значна кількість українських вчених схильна вбачати державницький елемент, що виступав своєрідним посередником державницької ідеї від часів Київської Русі до УНР, а згодом до сучасної незалежної України. Тому питання, пов’язані з цією проблематикою, завжди є дискусійними та актуальними.

До середини XVII ст. український народ внаслідок колоніальної політики Польщі потрапив у катастрофічну ситуацію: було втрачено еліту; стався розкол серед духовенства, що призвело до міжусобної боротьби; міщанство в найбільших містах було усунуте від управління і справ торгівлі; виникли несприятливі умови для розвитку національної мови, культури тощо. Реальною ставала загроза етноциду. Врятувати від нього могла лише відчайдушна боротьба за створення незалежної держави. Перший етап Національної революції очолив Богдан Хмельницький. Протягом першої половини 1648 р. ним було одержано низку блискучих перемог над польським коронним військом.

Польський король Ян Казимир 24 червня залишив Варшаву і 3 липня прибув до Любліна. 13 липня він звернувся з універсалом до шляхти Руського, Белзького та Люблінського воєводств, закликаючи наслідувати приклад інших і стати на захист Вітчизни. 17 липня королівське військо залишило Люблін і 21 липня зупинилося під Старим Замостям. Звідти воно подалося спочатку до Совля, а пізніше – до Топорова. По дорозі до нього приєднувалися корогви коронного війська, магнатів, посполитого рушення воєводств. 5 липня Ян Казимир звернувся з універсалом до козаків і поспільства українських військ, наказуючи розійтися по домівках. Або у нього, або в канцлера виникла думка змістити Б.Хмельницького, бо через день з'являється універсал до Війська Запорозького з повідомленням про позбавлення його влади й затвердження гетьманом Семена Забузького. Польський уряд пообіцяв також винагороду в 10 тис. злотих тому, хто принесе голову вождя української революції.

Внаслідок постійних дощів, розкислих доріг, обоз рухався дуже повільно. Простоявши через непогоду чотири доби біля Білого Каменя, 12 серпня король виступив до Золочева, в околицях якого зупинився пізно ввечері. Наступного дня, в п'ятницю, польське військо стало обозом за 5-7 км від Зборова над ставами і річкою Стрипа неподалік від

с. Млинівці. 14 серпня біля Зборова розпочалася підготовка трьох переправ через річку й болота.

Завдяки добре налагодженій розвідці для гетьмана і татар, які були його союзниками, не було таємницею ні чисельність ворожого війська (вона становила понад 20 тис. жовнірів і шляхтичів; а разом зі слугами та обозними – близько 35 тис. осіб при, щонайменше, 30 гарматах), ні напрям його просування (на Озерну). Емісари гетьмана встановили зв'язок з міщанами Зборова й мешканцями навколишніх сіл. За домовленістю, церковним дзвоном у Зборові вони мали просигналити про початок переправи ворога. Згідно з планом, татари й відібрані підрозділи української кінноти (всього близько 25 тис. осіб) повинні були завдати одночасного удару по авангарду й ар'єргарду польського війська, скувати його дії й, діждавшись підходу української піхоти, спільними силами знищити.

Поділивши військо на сім полків, недільного ранку 15 серпня, після богослужіння, король наказав вирушати. Певних відомостей про супротивника польське командування не мало. Сильний туман, мжичка, заболочена місцевість, вузькі переправи, велика кількість возів затримували пересування.

Отримавши сигнал дзвоном, очевидно, близько 10 тис. кримських татар почали здійснювати переправу і вийшли в тил противника. Переправу через Стрипу захищали 700 жовнірів під проводом Криштофа Корицького. Коли перша спроба татар і українців заволодіти нею зазнала невдачі, вони швидко знайшли три інші броди. Тим часом, щоб стримати прорив татарсько-української кінноти, їй назустріч поспішили полк Станіслава Вітовського, а також кіннота литовського підканцлера Казімєжа Леона Сапеги. Однак і вони майже всі загинули. Спроби посполитого рушення стримати наступаючих успіху не мали. Спалахнула паніка, і жовніри побігли до переправ та до міста. Розпочалося їх винищення. Переслідування тривало аж до Зборова. До рук переможців потрапила велика здобич[1].

Пізніше розпочався наступ кримсько-української кінноти на польське військо, серед якого вже почала поширюватися звістка про різанину у тилу. Водночас від роз'їздів надійшло повідомлення про противника. Король, виявивши холоднокровність, став шикувати війська для відбиття атаки. Кінні корогви зміцнювалися підрозділами піхоти. Командувати правим крилом було доручено подільському воєводі Станіславу Потоцькому, лівим – краківському старості Єжи Любомирському (тут же перебував і король). Центр прикривали С. Корецький, піхота й драгуни. Почали насипати вали, зводити редути й рити окопи, але завершити фортифікаційні роботи не встигли, бо з'явилися татари й козаки. С. Корецький намагався стримати їхній наступ, але, зазнаючи важких втрат, став відходити. Не зупиняючись, татари продовжили атаку, вони рясно обстрілювали жовнірів. На щастя

для останніх, сильний зустрічний вітер послаблював силу стріл, тому вони не завдавали великої шкоди. Та все ж, стримувати натиск атакуючих ставало дедалі складніше. Драгунам, піхоті й слугам наказано було висунутися вперед і відкрити вогонь. Після цього татарсько-козацькі підрозділи стрімко змінили напрям удару, спрямувавши його на інше крило. Розметавши по дорозі корогви С. Корецького та обійшовши польську піхоту, вони обрушилися на кінноту, яка не витримала й почала втікати. Магнати першими непомітно зникли, залишивши короля й охопленого страхом канцлера. Втеча швидко набула масштабного характеру, жовніри намагалися заховатися навіть у коноплях, не пам'ятаючи ні про Вітчизну, ні про короля. І переслідуючи їх, татари увірвалися до табору. В цей критичний момент Ян Казимир з оголеною рапірою кинувся до втікачів, волаючи: «Не залишайте мене, панове, і всієї Вітчизни!»[2]. Стійкість Яна Казимира привела до тями частину жовнірів, і до вечора їм вдалося втримати рештки обозу.

Під вечір прибув український обоз, і козацька піхота прилучилася до боротьби на лівому крилі польського війська, зокрема за обоз противника. Перед сутінками Б. Хмельницький та Іслам-Ґірей припинили битву й відвели війська на 300-400 м від ворожого стану.

Величезні втрати – полягло не менше 6-7 тис. осіб, включно зі слугами – та психологічний шок від поразки не давали полякам жодного шансу на перемогу. Вони опинились в облозі. Першими кроками обложених стали окопування табору, насипання навколо нього валів та надання допомоги драгунам. Ян Казимир провів «на конях» військову нараду з питанням, що чинити далі. Після гострих дебатів прийняли пропозицію канцлера звернутися королю з листом до хана, запропонувавши дружбу, що й було вчинено. Водночас, Ян Казимир написав Б. Хмельницькому, докоряючи йому за початок воєнних дій, пропонуючи прислати посольство для забезпечення «вольностей і свобод Війська Запорозького».

Порозуміння між Кримом і Річчю Посполитою могло відбутися лише за рахунок українських інтересів. Іслам-Ґірей у своїй відповіді не відхиляв пропозиції розпочати переговори, але, щоб домогтися більших поступок з боку Польщі, вирішив продемонструвати ще раз безпорадність становища обложених і застеріг: він не може повідомити татарам про настання миру. Гетьман же у ввічливій формі обминув мовчанкою вимоги Яна Казимира й також не квапився виряджати посольство.

Ранком 16 серпня гетьман і хан наказали розпочинати наступ. Якщо напередодні вирішальну роль у боях, безперечно, відіграли татари, то тепер настала черга українців. Козаки безупинно штурмували ворожі позиції. Коли становище міської залоги з 400 драгунів і табору стало критичним, а на допомогу не було кого по-

слати, король став шукати добровольців для оборони валів і міста. Для хоробрості охочим було дозволено випити напої, які ще зберігалися на возах. Добряче нажлуктавшись, обозна челядь пішла в контратаку. Демонструючи гідну подиву хоробрість, вона де-факто врятувала ситуацію, відкинувши в жорстокому бою українців і татар як від міста, так і від валів.

Опівдні до короля з'явився посланець із листами від Іслам-Ґірея та Б. Хмельницького, на які Ян Казимир негайно відповів – погодився на зустріч канцлера з візиром і визнав Б. Хмельницького гетьманом. Штурм, хоча й послабився, не припинився. Татари брали в ньому щораз меншу участь. Нарешті під вечір битва вщухла. Розпочались переговори і визначення умов майбутнього договору.

Специфіка розпочатих переговорів полягала в тому, що король свідомо обрав хана, як незалежного володаря, їх головним суб'єктом, поставивши розв'язання української проблеми в залежність від характеру домовленості з Кримом. У такому перебігу подій був зацікавлений також Іслам-Ґірей, оскільки отримував можливість контролювати українсько-польські відносини. Невипадково саме від нього, а не від гетьмана надійшов наказ про припинення битви і саме його візир, а не генеральний писар гетьмана виїхав увечері на зустріч із канцлером для обговорення умов договору.

Під час зустрічі з Є. Оссолінським Сефер Кази-ага висунув наступні вимоги: козацький реєстр збільшити до 40 тис. осіб, дозволити татарам брати на теренах Речі Посполитої ясир і здобич, виплатити 200 тис. талерів і щорічно давати «упоминки» (подарунки). Коли канцлер почув таке, в нього, за словами Мехмеда Сенаї, "відняло мову й запаморочилося в голові". Було ухвалено рішення перенести переговори на наступний день.

Зі свого боку готувався до зустрічі з Є. Оссолінським і Б. Хмельницький. Розроблений ним і генеральною старшиною проект передбачав кілька позицій, а саме: автономію Української держави в територіальних межах Брацлавського, Чернігівського, Київського, східних районів Подільського і Волинського воєводств; скасування обмежень на чисельність реєстрового козацтва; право шляхти повернутися до маєтків; ліквідація унії; зрівняння в правах православної церкви з католицькою; заборона проживання в козацькій Україні євреям, діяльності єзуїтів і ченців католицьких орденів, та інше.

Під час ранкової зустрічі гетьман засвідчив канцлеру свою готовність укласти угоду й передав йому «пункти». Пополудні козацьке посольство виїхало до Яна Казимира, було ним прийнято й вручило «супліку» (прохання) Війська Запорозького. Від імені володаря польської держави канцлер повідомив, що король задовольнить ті її пункти, котрі не будуть суперечити інтересам Речі Політої. Для їх

розгляду створюється комісія, до складу якої ввійшли канцлер і А. Кисіль.

Тривали й кримсько-польські переговори, які завершилися до середини дня узгодженням найголовніших пунктів. Окремі деталі були остаточно з'ясовані 18 серпня, після чого договір став реальністю. Ним передбачалися: «вічна приязнь» і надання взаємної допомоги проти спільного ворога; виплата Польщею щорічних «споминків»; заборона татарам нападати на Річ Посполиту; дозвіл короля на залучення ханом для своїх потреб Війська Запорозького і згода хана надавати воєнну допомогу королю; звільнення полонених жовнірів; залишення Війська Запорозького при давніх вольностях «згідно окремої з ним угоди» та згода хана під час відходу в Крим завдати якомога меншої шкоди «королівській державі». Так за абстрактною обіцянкою Іслам-Ґірея чинити «якнайменшу шкоду» було дано згоду Яна Казимира на захоплення татарами ясиру й пограбування українських земель. Окрім того, Польща пообіцяла виплатити 200 тис. талерів, як викуп, а також 200 тис. талерів за обложених у Збаражі й погодилась на випас татарами худоби над ріками Інгул і Велика Віся.

Значно складніше проходили 18 серпня 1649 р. україно-польські переговори, що тривали від полудня до вечора. Поставлений у безвихідну ситуацію через існування кримсько-польського договору, гетьман змушений був піти на серйозні поступки.

Відповідно до укладеної угоди, козацька Україна отримувала автономію в складі Брацлавського, Київського і Чернігівського воєводств (втрачалась територія Барського, Зв'ягельського, Любартівського, Миропільського, Остропільського й Подністровського полків), а лінія розмежування мала проходити на захід від Димера, Горностайполя, Коростишева, Наволочі, Погребищ, Прилук, Вінниці, Брацлава та Ямполя; шляхта отримала право повертатися до маєтків, а піддані мали виконувати на її користь дореволюційні повинності тощо. Розв'язання питання ліквідації унії й повернення православній церкві захопленого в неї майна відкладалося до рішення сейму.

Ця українсько-польська угода вперше визнавала наявність двох істотних ознак української державності, що започаткувались в перші місяці Визвольної війни, а саме: визначеної території і українського козацького війська. Зборівський договір формально підтверджував козацькі права і привілеї[3]. Козацький реєстр збільшувався до 40 тис. чол., хоча фактично козаків було в кілька разів більше. Під козацьке управління на чолі з гетьманом Б. Хмельницьким переходили воєводства Київське, Брацлавське і Чернігівське. На цій території заборонялося розташовувати польські війська; всі посади переходять до українських шляхтичів православної віри; євреї та єзуїти не мала права мешкати в цій області; православний київський митрополит діставав місце в польському сенаті[4]. Чигирин переходив у володіння

гетьмана. Волинь, Поділля, Київ, Полісся залишалися під владою польської шляхти. Мала бути проголошена загальна амністія, а крім того, ще спеціальна амністія для шляхти, яка прилучалася до козацького повстання[5].

Аналізуючи умови Зборівський договір, можна прийти до висновку, що на його підставі в межах польської держави утворювалася автономна область, де адміністративно-судова і військова влада передавалась козацькій старшині на чолі з гетьманом і в межах якої православна віра мала всі права нарівні з пануючою в державі римо-католицькою вірою.

Статті Зборівського договору також не могли задовольнити керівників української політики на чолі з гетьманом Б. Хмельницьким. Замість повного звільнення всього українського народу й створення своєї власної держави довелося формально задовольнятися нібито національно-територіальною автономією[6]. Тому не дивно, що Богдан Хмельницький дивився на цей договір лиш як на тимчасовий й намагався створити нову державну організацію на території козацької України, не зважаючи на формальні умови і використовуючи ті права, які давали йому статті Зборівського договору[7]. Фактично виникає Українська Козацька держава, офіційною назвою якої стало «Військо Запорозьке».

Річ Посполита при підписанні Зборівської угоди змушена була в значній мірі під впливом недавніх вагомих перемог українського повстанського війська погодитись з наданням Україні певної автономії[8]. Таким чином, де-юре визнавалось існування української державності. Зборівський договір 1649 р. юридично визнав прагнення українського народу на утворення власної держави і оформив її існування.

Формування української держави здійснювалося в обстановці бойових дій, що обумовлювало її форму, а саме: для виконання державних функцій пристосовувалася вже готова, перевірена практикою військово-адміністративна полково-сотенна організація козацтва. В екстремальних умовах війни, коли потрібно було максимально об'єднати та мобілізувати на боротьбу увесь народ, ця організація стала не тільки загальною для усіх повстанських сил, а й єдиною політико-адміністративною та судовою владою в Україні. Запорізька Січ зберігала здавна встановлену форму правління[9].

За Україною, як за державою, визнавалося право мати постійне реєстрове військо. Зборівський договір визначив його чисельність – 40 тис. козаків. Цей реєстр був затверджений Генеральною радою на початку березня 1650 р.

Зборівський договір по суті означав лише перемир'я між козацькою Україною і Польщею, і раніше чи пізніше мав виникнути новий воєнний конфлікт. Вже навесні 1651 почалися воєнні операції. Тривала затримка хана (який знову був союзником козаків) змушувала

Б. Хмельницького гаяти дорогоцінний час для наступу, позбавляла ініціативи. 100-110-тисячне українське військо ("доброго, спорядженого і навченого" до бою вояцтва налічувалося 40-50 тис. осіб) при 120 гарматах протягом місяця тупцювало, по суті, на місці – у трикутнику між Тернополем, Озерною і Заложцями. Така ситуація гостро поставила проблему забезпечення продовольством, фуражем, негативно позначилася на настроях частини вояків.

Переживаючи особисту трагедію, Б. Хмельницький зіткнувся також із серйозним спротивом угруповання старшини, підтримуваного Кази-Ґіреєм, що наполягало на необхідності замирення з Річчю Посполитою. 26 травня гетьман зібрав чорну раду війська для з'ясування питання миру чи війни. Всупереч висловлюванням групи старшин за мир, абсолютна більшість козаків наполягала на продовженні боротьби до перемоги чи смерті. Отримавши підтримку, Б. Хмельницький звернувся до війська з промовою, в якій підкреслив: «Тепер, коли вступимо у битву, не покладайтеся на свої заступи та ями, які ви собі риєте; тепер доведеться сильно постояти, щоб не втратити козацької слави і не загубити невинних душ»[10].

Було вжито заходів для зміцнення оборонного рубежу проти польського війська. Київський полк розташувався в районі Чорнобиля; на Лоєвському перевозі – чернігівський полковник С. Пободайло; на р. Сож – М. Небаба; в Стародубі – полковник Окша. Похід війська, діяльність емісарів (лише в Белзькому і Руському воєводствах їх діяло 150 осіб; а всього – близько 2 тис. осіб) сприяли розгортанню визвольної і соціальної боротьби в Подільському, Волинському, Руському і Белзькому воєводствах. Серед селян Галичини поширювався універсал гетьмана із закликом братися до зброї й обіцянкою звільнити їх від кріпацтва та панщини.

На теренах Польщі активно діяли розвідники, диверсанти, агітатори (до речі, українські розвідники успішно співпрацювали із шведськими й трансільванськими агентами не лише в Польщі, а й у Чехії, Моравії, Сілезії та Австрії). Емісари, агітуючи селян і міщан підніматися на боротьбу проти шляхти, апелювали до українського досвіду соціальних перемін.

Польське військо стояло під Сокалем і щоденно збільшувалося за рахунок прибуття полків магнатів, посполитого рушення, найманців. На середину червня його чисельність уже становила 100-120 тис. жовнірів і щонайменше 120 тис. слуг і обозних – всього 220-240 тис. осіб. 15 червня польське військо вирушило до Берестечка й пройшло Княже, Фат, Довге, Бране, Немирівку. 19 червня військо зупинилося між Берестечком і Стремільчем. Протягом 22-26 червня чотирма переправами відбувся його перехід на правий берег Стиру. Табір розташувався за 1,5-2 км від річки в зручному місці: прямо перед ним на схід простягалась рівнина, придатна для проведення атаки

кіннотою.Тим часом 23 червня Іслам-Ґірей на чолі 30-40-тисячного війська нарешті прибув до українського табору, розташованого на Кодинському полі. На нараді вирішили атакувати противника на марші (як під Зборовом). 25 червня українсько-кримські війська виступили в похід. Попереду рухався авангард з кінноти. На світанку 27 червня польське військо зрушило з місця, проте король отримав відомості про наближення противника і військова рада ухвалила повернути полки назад і залишитися на березі Стиру. Обидві армії зустрілися під Берестечком.

Уночі до Б. Хмельницького прибула піхота з табором. Він став шикувати військо з 5 год. ранку. Опинившись на рівнині, гетьман обрав тактику бою в укріплених таборах. У центрі, на підвищенні, споруджувався основний табір, захищений десятьма рядами возів. На правому фланзі гетьман розташував кінноту. В цілому українські війська становили правий фланг і центр союзних військ; татари посідали лівий фланг, розташовуючись на пагорбі та його схилах. Бойова лінія простягалася на 7-7,5 км.

Зранку опустився сильний туман, який стояв до 10 год. Коли він став розсіюватися, українсько-кримські вершники розпочали зачіпні сутички. Близько 12 год. хан імітував наступ на праве крило поляків, але король заборонив своїм воякам втягуватися в зустрічний бій. Через годину польська артилерія повела обстріл українських і кримських позицій. Іслам-Ґірей відвів за пагорб більшість своєї армії. Тим часом українці на правому фланзі стали поволі просуватися назустріч полякам. І. Вишневецький, отримавши дозвіл від Яна Казимира, близько 16 год. розпочав атаку. Зіткнення противників було страшним. За визнанням учасника битви А. М'ясковського, півгодини все було «у вогні, не було нічого чути, лише гук... з ручної стрільби і гармат, так що ми вже думали, що звідтіля ніхто живим не повернеться»[11]. Разом із українцями мужньо стояли розташовані тут загони татар. На допомогу князю прийшли інші польські корогви й посполите рушення, і їм вдалося прорватися всередину одного з таборів, але українці їх відкинули й змусили розпочати відступ. Щоб урятувати лівий фланг від поразки, король перекинув туди німецьку піхоту та інші підрозділи. Спільними зусиллями вони зупинили українців і татар та почали відтісняти їх до табору.

В цей критичний момент усе могла вирішити стрімка атака татар. Але хан не лише не розпочав її, а й не вивів для бою основних сил із-за пагорбу. Скориставшись бездіяльністю Іслам-Ґірея, король розпорядився наступати центру. В цей час кілька татарських польових гармат обстріляли місце, де перебував король; він зазнав незначного поранення в ногу. В свою чергу, Ян Казимир наказав вистрілити з гармати по ханському бунчуку і корогвам.

Постріл виявився вдалим і достатнім, щоб Іслам-Ґірей кинувся за пагорб і вся орда, як за умовним сигналом, розпочала втечу Тим часом становище українців стало критичним. Уникаючи оточення, гетьман вміло організував відступ під захистом табору в долину до р. Пляшівка, де швидко окопався. Центр табору розташувався над р. Плісна, що впадала до Пляшівки. Ввечері бій затих. Від імені короля канцлер об'їжджав полки і дякував за здобуту перемогу. Все вишикуване військо розпочало співати хвалу Богові. Вийшовши до нього, король наказав ротмістрові угорської піхоти, «аби в'язнів усіх, і котрі біля королівського намету сиділи на землі, а було їх немало, і значних, і дуже посічених і постріляних», стратити, промовивши такі слова: «Віддаю пану Богу; хай Бог милує, але необхідно негайно усіх тих в'язнів постинати».

Дощової ночі Б. Хмельницький, залишивши старшим Ф. Джеджалія, кинувся навздогін за ханом, щоб завернути його назад. Внаслідок гострої розмови, що сталася між ними 1 липня, Іслам-Ґірей пообіцяв направити військо на допомогу обложеним. Наступного дня Б. Хмельницький через полковника Івана Лук'янова послав листа до табору, наказуючи підготуватися до битви на 4 липня, коли підійде з татарською допомогою. Однак Іслам-Ґірей свого слова не дотримав: вислана ним частина орди, пославшись на дощ, повернулася назад. Після цього, прихопивши з собою Б. Хмельницького, хан розпочав поспішний відступ на південь України. Лише 11-12 липня Іслам-Ґірей повернув свободу гетьману, котрий мав намір розпочати формування полків для звільнення обложених.

Виявилося, що за його відсутності генеральна старшина не спромоглася опанувати ситуації, встановити тверду дисципліну, розробити чіткий план дій. Хоча в боях, що постійно точилися, українці мужньо відбивали ворожі приступи й самі провадили успішні операції, психологічна обстановка погіршувалася: росло недовір'я між старшиною і низами, підсилене переходом на бік поляків полковника М. Криси. Із 8 липня вояки щораз більшим числом починають залишати табір. Підготовлений на 10 липня відхід війська через Пляшівку внаслідок паніки, що спалахнула в обозі, перетворився у втечу, під час якої загинуло в болотах близько 4-8 тис. осіб. І. Богуну вдалося організувати часткове прикриття втікачів: кілька тисяч козаків героїчно протистояли жовнірам, що увірвалися до табору. Загинув у цьому бою і 80-річний полковник Прокіп Шумейко. Однак основним силам війська вдалося вирватися з пастки; вивезли також майже всю артилерію. Нещастя для України не завершилися Берестечковою катастрофою. Литовські війська, перейшовши в наступ, 6 липня захопили переправу через Дніпро під Лоєвом і в бою під Ріпками розгромили полки М. Небаби. Незабаром литовці опанували Чернігівщину, Овруччину, вирушили до Києва й 4 серпня Я. Радзивіл

захопив його. Становище козацької України стало критичним, її врятували масове повстання народних мас від Дністра до Дніпра й Десни та організаторські здібності Б. Хмельницького. До початку вересня в районі Білої Церкви гетьман зосередив 60-тисячне військо в надзвичайно міцно укріпленому таборі. Спроби польсько-литовських військ 23-25 вересня досягти перемоги зазнали невдачі, й М. Потоцький змушений був погодитися на підписання угоди. З другого боку, схильність до її укладення з боку частини старшини, очолюваної генеральним писарем Іваном Виговським, суперечності у війську між його низами й старшиною (виявом цього стало повстання 16-17 вересня близько 10 тис. осіб, які були проти переговорів і поляками), затримка підходу татар спонукали Б. Хмельницького до припинення воєнних дій і підписання угоди. 28 вересня 1651 р. укладається Білоцерківський договір між Богданом Хмельницьким і польським гетьманом М. Потоцьким, статті якого зводили козацьку державу та її автономію нанівець. Вона була значно гіршою для України, ніж Зборівська угода[12]. Число реєстрового козацтва зменшувалося наполовину – до 20 тис.[13]. Автономію діставало лише Київське воєводство, а Брацлавське й Чернігівське мали відійти знову під королівську адміністрацію. Козаки могли мешкати тільки в одному Київському воєводстві, і то лише в королівських землях, а не в шляхетських маєтках. Шляхта отримувала право негайно займати свої маєтності. Гетьман мусив тепер допустити польську шляхту до її маєтків, чого він намагався уникнути після Зборівського договору. Також Богдан Хмельницький зобов'язувався розірвати союз із кримським ханом і відіслати татарське військо, а також відмовитися від самостійних переговорів з іноземними державами[14].

Український народ виступав проти замирення з Польщею, яка не задовольняла його справедливі вимоги і мала намір ліквідувати українську державність[15]. В свою чергу польський сейм не затвердив Білоцерківську угоду, у зв'язку з чим Богдан Хмельницький вважав себе вільним від зобов'язань виконувати його.

Після перших перемог козацького війська під керівництвом Богдана Хмельницького влітку 1648 р. і битви під Зборовим у 1649 р. на визволеній території Україні було ліквідовано польсько-шляхетську адміністрацію. Влада перейшла до козацьких військових органів управління. Формується Українська Козацька держава. Офіційну назву – Військо Запорозьке вона успадкувала від реєстрового козацького війська. Вперше після довгої перерви була створена Українська національна держава, яка одержала міжнародне визнання у двосторонніх договорах з Польщею – Зборівському та Білоцерківському. Процес творення української державності на початковому етапі не був послідовним і чітко окресленим, бо спочатку

політика Богдана Хмельницького орієнтувалася на досягнення козацької державної автономії в складі Речі Посполитої.

ПРИМІТКИ:

1. *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція другої половини XVII ст. (1648-1676 рр.). – К., 1999. – С. 172-178.

2. *Чухліб Т.В.* Гетьмани і монархи. – К., 2003.

3. *Смолій В., Степанков В.* Від ідеї князівства Руського до подолання концепцій поліцентризму Гетьманщини // Історія українського козацтва: Нариси в двох томах. − К., 2006. − С.262-263.

4. Договір, укладений Богданом Хмельницьким з польським командуванням біля Зборова (серпень 1649 р.) // Хрестоматія з історії держави і права України. – К., 2003. – С. 136-137.

5. *Лях С.* Зборівський договір // Українське козацтво. Мала енциклопедія. – К.,Запоріжжя, 2002.

6. Українське державотворення. Невитребуваний потенціал.– К., 1997. – С 208-209.

7. *Яковенко Н.* Нарис історії України з найдавніших часів до кінця XVIII століття. – К., 1997. – С. 187-188.

8. *Музиченко П.* Історія держави і права України. – Т. 1.– К., 2000. – С. 178-179.

9. Історія держави і права України. – К., 2000. – С. 208-210.

10. *Смолій В.А., Степанков В.С.* Українська національна революція другої половини XVII ст. – С. 181.

11. *Чухліб Т.В.* Вказ. праця.

12. Білоцерківський договір 18 вересня 1651 р. // Хрестоматія з історії держави і права України. – К., 2003. – С. 138-139.

13. *Музиченко П.* Вказ. праця. – С. 180.

14. *Лях С.* Білоцерківський договір // Українське козацтво. Мала енциклопедія. – К.,Запоріжжя, 2002. – С.41.

15. *Смолій В. А., Степанков В. С.* Українська національна революція другої половини XVII ст. – С. 139-140.

Бузейчук В.М. (*Одеса*)

ПОВІТРЯНО-ДЕСАНТНА ОПЕРАЦІЯ НІМЕЦЬКИХ ВІЙСЬК НА ОСТРОВІ КРИТ (ТРАВЕНЬ 1941 РОКУ)

В результаті падіння «залізної завіси» між Сходом та Заходом широка громадськість отримала можливість ознайомитись з результатами наукових досліджень своїх ідеологічних супротивників, а науковцям вже немає потреби висловлювати свої погляди лише в межах офіційної ідеології. Публікація та розповсюдження на теренах колишнього «соцтабору» творів західних істориків та публіцистів викликали надзвичайний сплеск зацікавленості історією Другої Світової війни. Причин тому декілька. По-перше, погляди західних істориків настільки відрізняються від тієї картини, яку нам подавали у шкільній програмі та офіційній історичній «правді», що волею-неволею почнеш обмірковувати помічені розбіжності. По-друге, вже приблизно з 20-ї річниці Перемоги основною роботою радянських військових істориків було спростування «буржуазних фальсифікацій», а не історичні дослідження, що виглядало підозріло і викликало бажання з цими фальсифікаціями ознайомитись. Коли ж така можливість з'явилась, то виявилось, що (по-третє) маса опублікованих радянських джерел підкріплюють гіпотези саме західних істориків. Таким чином, наразі проблеми історії Другої Світової війни не менш актуальні, ніж за часів «холодної війни».

Повітряно-десантна операція люфтваффе по захопленню острова Крит є однією з яскравих сторінок тієї війни, незаслужено замовчаною радянською історіографією. Більшість військових теоретиків та істориків визнають, що Критська операція мала велике значення як в ході війни, так і для подальшого розвитку повітряно-десантних військ, їх тактики та бойового застосування[1].

У військовій науці Радянського Союзу операція на Криті, як і багато інших, згадувалась лише декількома рядками. Підручники для слухачів військових академій СРСР (не лише загальновійськових, а й повітряно-десантних факультетів) в цілому одним-двома абзацами згадували всі десантні операції німецького вермахту та люфтваффе[2]. Про це розповідали і випускники Рязанського повітряно-десантного училища, і аеромобільного факультету Одеського інституту Сухопутних військ. Тому Критська повітряно-десантна операція залишається однією з недостатньо висвітлених сторінок Другої Світової.

Літературу для вивчення даної теми можна умовно поділити на три групи:

1) радянські військово-історичні праці доперебудовних часів;

2) дослідження зарубіжних (західних) авторів;

3) праці російських та українських істориків 90-х років XX ст. – початку XXI ст.

Серед радянських публікацій окремо слід виділити посібники, призначені для навчання офіцерів Радянської Армії. Серйозність завдання – виховати вірного захисника соціалістичної Батьківщини – зумовлювало найвищий рівень цензури в цих виданнях. Згадані вище підручники для слухачів військових академій Збройних Сил СРСР – цьому підтвердження. Об’єм інформації про всі десантні операції німецьких військ мінімальний, який дозволяв лише не забути, що такі були.

Дещо ширше про Критську повітряно-десантну операцію можна було прочитати в працях, присвячених історії Другої Світової війни в цілому[3]. Згадано цю подію в деяких працях історіографічного характеру, як от «Война и история» О. Ржешевського, «Против фальсификации истории второй мировой войны» Маршала Радянського Союзу А. Єрьоменка[4], «Германские генералы – с Гитлером и без него» Л. Безименського[5], та ін.

Дослідження зарубіжних істориків теж, звичайно, не є однорідними. Серед них відзначимо твори західнонімецьких дослідників – В. Варлімонта[6], Г. Пікера[7], а також одного з найпопулярніших військових істориків Заходу Г. Болдуїна[8]. Сюди ж можна віднести й скандально відомого зараз В. Суворова, який в своїх книгах торкався й нашої теми також[9]. Іншу групу зарубіжних досліджень складають твори переважно науковців НДР – Ґ. Фріснера[10], В. Блеєра, К. Дрехслера[11], колективна праця «Мировая война. 1939-1945 годы»[12], які в-основному присвячені засудженню монополістичного імперіалізму та антифашистській боротьбі європейських компартій. Радянські історики всіляко наголошували на тому, що західні військово-історичні дослідження цілковито скеровані органами державної влади капіталістичних країн-членів НАТО[13]. Треба визнати, що в багатьох випадках такі звинувачення виправдані. Однак, аналогічно треба визнати і залежність від державної політики істориків протилежного табору (як СРСР та НДР, так й інших соціалістичних країн).

До третьої групи наукових праць відносяться дослідження останніх часів: праці В. Коваля[14], Д. Міллера (А. Тараса)[15], та ін. Ці роботи відрізняються широким залученням західних джерел та досліджень, меншою ідеологізацією, прагненням створити цілісну історичну картину.

Натомість, джерельна база дослідження даної теми далеко вужча. Багато документів періоду 1939-1945 рр. досі засекречені (у тому числі й західні). Джерела, опубліковані на Заході, не перекладені на українську чи російську мови, тому в більшості своїй недоступні вітчизняним історикам. Хоч є й виключення. Наприклад, В. Коваль в своїй роботі

використав оригінал раніше не публікованої директиви ОКВ, яку навів і українською, і німецькою мовами[16].

З інших джерел необхідно відзначити: В. Черчілл «Вторая мировая война»[17], Ф. Ґальдер «Военный дневник»[18], директиви ОКВ та ОКЛ, телеграми та телефонограми британського командування на о. Крит. Джерельна база дозволяє провести історичне дослідження, хоча є недостатньою для створення цілісної та детальної картини.

* * *

З жовтня 1940 року за наказом Беніто Мусоліні італійські війська намагались закріпитися в Греції. Пізно вступивши у війну, дуче не отримав з неї відчутних дивідендів, і йому потрібні були перемоги. Диктатор розраховував одним махом захопити Елладу. Проте гори, зимова погода та допомога союзних Греції британських військ перекреслили плани Беніто. До березня 1941 року італійці лише полоненими втратили 133 тис. чол., у той час, як частини британського генерала А.П. Вейвелла в пасиві отримали 3 тис. вбитими, пораненими та зниклими без вісти[19]. Італія на Балканах опинилась на межі краху.

Під впливом балканських подій Гітлеру довелось втрутитись, хоча для Німеччини ні близькосхідна, ні балканська кампанії були не на часі[20]. Проте, вже 13 грудня 1940 року Гітлер підписав директиву ОКВ № 20 (операція «Маріца» – захоплення Греції, островів Тасос і Лемнос). Про Крит в цій директиві не згадувалось, як і про багато інших грецьких островів, з чого можна зробити висновок, що початково Крит Гітлера не цікавив.

До квітня 1941 року німецькі та італійські війська остаточно утвердились на Балканах. Директива ОКВ від 22 березня 1941 року остаточно підсумовує операцію «Маріца», скеровує сили на острови Тасос, Самотракію, Лемнос, Циклади[21]. В цій директиві Крит також не фігурує.

В. Черчілл в березні 1941 року відзначав, що о. Крит став останнім прихистком грецького короля та пунктом зосередження евакуйованих військ британської армії[22].

В цій ситуації головним чинником подальшого розвитку подій стало суперництво рейхсмаршала, головнокомандувача люфтваффе Ґ. Ґерінґа та Головного Штабу Сухопутних військ (уособленого генералами Кейтелем та Йодлем) за вплив на Гітлера[23]. Ґерінґ постійно намагався довести Гітлерові, що ВПС спроможні самостійно (без сухопутних та морських сил) виконати будь-яке завдання[24]. Наочним прикладом цього Ґерінґ вважав можливість захоплення о. Крит, яке він хотів здійснити за допомогою свого улюбленого створіння – 11-го авіакорпусу (прообразу повітряно-десантного об’єднання). Вплив Ґерінґа дав свої результати – Гітлер все частіше роздумує на тему

застосування ВПС та повітряних десантів[25]. Основним аргументом в обґрунтуванні необхідності захоплення Криту було те, що маючи острів під своїм контролем, британці створюватимуть повітряну загрозу військам Німеччини в континентальній Греції, а головне – румунським нафтовим родовищам, без яких німецька військова машина буде приречена на поразку.

На острові Крит британське командування зосередило наступні сили: 2 англійських, 3 грецьких піхотних батальйони – район Геракліону; 19-та австралійська бригада, 6 грецьких батальйонів – Ретимнон; 2 австралійських та 2 грецьких батальйони – Суда; 1 новозеландська та 1 британсько-австралійсько-грецька збірна бригада – район аеродрому Малем; всього – близько 29 тис. чоловік[26]. З бойової техніки та озброєння: 36 літаків, 9 піхотних танків; 16 важких зенітних гармат калібру 3,7 дюйма, 36 легких гармат «Бофорс» калібру 1,2 дюйма. Частина підрозділів британського гарнізону була сформована, як артилерійські відділи, і не мали стрілецької зброї. Комендант острова генерал Фрейберг 1 травня 1941 року доповідав призначеному командувачем військами на Криті генералові Вейвеллу про недостатність сил та засобів для боротьби з повітряним та морським десантом.

Г. Болдуїн на основі «Новозеландської історії» Д.М. Давіна вказує, що сили британської залоги на початку травня 1941 року складали на 18 тис. осіб більше, ніж декларує В. Черчілл, а саме – більше 17 тис. британців, 6,5 тис. австралійців, 7,7 тис. новозеландців, 10-12 тис. солдатів регулярної грецької армії та значна кількість партизанів, жандармів та кадетів, а всього – близько 47 тис. вояків[27]. Німецька розвідка теж вказувала на сили, значніші ніж 29-30 тис. осіб, хоча до кількості, наведеної Давіном дані розвідки не наблизились.

Гітлер доручив підготовку та командування операцією на Криті Військово-повітряним силам, тобто, Ґерінґу[28]. Рейхсмаршал особливо наголошував, що операція на острові – це генеральна репетиція майбутнього вторгнення в Британію, підтвердження зверхності повітряної могутності Німеччини над морською силою «володарки морів». Таким чином головнокомандувач ВПС зачепив струни честолюбства фюрера, схиливши шальки терезів на свою користь. Пізніше Ґерінґ зізнавався своїм друзям, що в його промовах було мало правди[29].

З німецького боку в нападі на Крит були задіяні наступні сили: 8-й та 11-й авіакорпуси 4-го повітряного флоту генерала Лера, 5-та гірськострілецька дивізія, 1 полк 6-ї гірськострілецької дивізії. До цих підрозділів додавались частини 5-ї танкової дивізії, морський загін для висадки десанту з води[30]. Всього німецькі загони налічували близько 35 тис. осіб[31] (хоча В. Черчілл наводить дещо інші дані: 11-й авіакорпус (у складі 7-ї авіадивізії та 5-ї гірськострілецької дивізії), 6-та

гірськострілецька дивізія; всього – близько 16 тис. парашутистів та 7 тис. осіб морського десанту). Для забезпечення нападу виділялось близько 1300 літаків та планерів: 280 бомбардувальників, 150 штурмових бомбардувальників, 180 винищувачів, 40 розвідувальних літаків, 100 планерів, 530-550 транспортних літаків[32].

Загальне керування операцією було доручено генералу Леру, командувачу 4-го повітряного флоту. Керівником штурмової групи був призначений командир 11-го авіакорпусу генерал Штудент, «хрещений батько» 7-ї авіадивізії, єдиного парашутно-десантного з'єднання німецької армії (саме Карл Штудент у складі німецької делегації був присутнім на військових маневрах із застосуванням повітряного десанту, що були продемонстровані закордонним військовим фахівцям командуванням Червоної Армії; побачене «небо в куполах» настільки вплинуло на тоді ще полковника Штудента, що всі свої сили він поклав на розвиток ПДВ німецької армії). Основні деталі операції розробили К. Штудент та генерал В. Зюсманн, командир 7-ї авіадивізії[33].

Німецькі сили були розподілені на групи з наступними завданнями:

- група «Марс» (центральна) – командир генерал Зюсманн – захоплення Ханьї, Галатаса, Ретимнона;

- група «Комета» (західна) – командир генерал Мейндель – удар на аеродром та місто Малем та його околиці;

- група «Оріон» (східна) – командир полковник Бауер – захоплення міста Геракліон та його аеродрому[34].

Початок операції «Меркурій» директивою ОКВ від 28 квітня 1941 року було призначено на 17 травня. Проте ще 12 травня штаб ОКВ і сам Гітлер не могли остаточно визначитись – проводити операцію, чи ні. Врешті, 17 травня початок операції було призначено на 20 травня 1941 року[35].

Таким чином, операція «Меркурій» була потрібна не так верховному головнокомандувачу Гітлеру, як рейхсмаршалові Ґерінґу, який намагався зміцнити свій вплив на фюрера та довести перевагу ВПС над Сухопутними військами. Атака острова повітряним та морським десантом була першою операцією такого роду, тому її розробники генерали Штудент та Зюсманн не могли використати досвід попередників, що вплинуло на результат. Більшість військових фахівців ОКВ критично сприйняли цей план, згідно якого сили нападу були майже в 1,5 рази меншими за сили оборони за особовим складом, що суперечило одному з головних принципів тактики щодо 3-кратної переваги атаки над обороною.

Операція «Меркурій» розпочалась о 5.00 20 травня 1941 року бомбардуванням аеродромів та зенітних позицій острова, яке продовжувалось до 7.15. До 7.40-7.50 німецькі бомбардувальники повернулись на аеродроми Греції, і з 7.50 на Крит вирушили перші

планери з десантниками. Висадка з планерів продовжувалась до 8.45. Першими висадились десантники 3-го парашутного полку 7-ї авіадивізії поблизу аеродрому Малем[36]. Разом з англійськими та новозеландськими вояками до боротьби з десантом відразу стали місцеві жителі – навіть жінки та діти[37]. Скрізь розпочались жорстокі сутички. В результаті за декілька годин десант гітлерівців біля Малема фактично був знищений.

Невдало розпочала наступ і група «Марс». На самому початку атаки, ще не долетівши до Криту, через аварію планера загинув командир групи генерал Зюсманн та декілька його заступників. Проте, основна група десантників «Марсу» тимчасово закріпилась навколо Ханьї і протрималась майже до кінця дня. В цілому, перший етап операції не був вдалим і приніс німцям значні втрати.

З 16-ї години розпочався другий етап нападу. Райони Ретимнона та Геракліона були бомбардовані німецькою авіацією. Під вечір Геракліон був атакований чотирма батальйонами німецьких парашутистів. Незважаючи на значні втрати, гітлерівці все ж закріпились на широкому плацдармі східніше аеродрому.

Наступна висадка десанту була запланована на 22 травня. Проте, керівники операції генерали Лер та Штудент, оцінивши ситуацію, вирішили внести корективи до плану. Було визначено, що весь резерв парашутистів буде введений у дію 21 травня в районі Малема, щоб отримати аеродром, який зможе приймати транспортні літаки з живою силою та важким озброєнням[38].

З 8-ї години 21 травня розпочалась нова висадка десанту. Цього разу вона була більш вдалою завдяки підтримці штурмової авіації. Навіть в районах Ретимнона, Ханьї та Геракліона залишки німецьких підрозділів оживились і почали наносити відчутних ударів захисникам острова. У результаті німці все взяли під контроль аеродром поблизу Малема. Вечір 21 та ніч з 21 на 22 травня пройшли в перестрілках. Близько півночі флотилія англійського контр-адмірала Ґленні натрапила на ескадру німецького морського десанту й знищила її. Зранку 22 травня аналогічну акцію провела флотилія контр-адмірала Кінґа[39].

Протягом 22 травня літаками військово-транспортної авіації люфтваффе до Малема було доставлено: 1 штурмовий полк, батальйон парашутистів, батальйон гірських стрільців; в район Ханьї – 5 батальйонів єгерів; Ретимнон – 1 батальйон; Геракліон – 3 батальйони[40].

23 травня бомбардувальники та винищувачі гітлерівців завдали серйозного удару по суднах британців. Було підбито 8 есмінців Королівського військово-морського флоту. 24 травня судна британського флоту під командуванням адмірала Каннінгема змушені були відплисти до Єгипту.

Наступного дня на Крит прибув генерал Штудент. Німці атакували в трьох напрямах: східніше Ханьї, від Малема до Галатаса та на південь острова. 25 травня гітлерівці остаточно взяли під контроль Малем і Галатас, досягли переваги в районах Ретимнона та Геракліона. Це вже був кінець британської оборони.

Вирішальним днем боїв стало 26 травня. Цього дня генерал Фрейберг оголосив залишкам частин захисників про відхід. 27 травня німці остаточно захопили Ханью і всю західну частину острова. З 28 травня кораблі британців здійснювали евакуацію до Єгипту тих, хто вижив. Сили, що прикривали евакуацію, витративши всі запаси продуктів та боєприпасів, здались 30 травня[41]. Цього ж дня здались захисники Ретимнона. 31 травня гітлерівці знищили залогу Сфакіона, а 1 червня австралійський підполковник Т. Волкер офіційно оголосив про капітуляцію гарнізону о. Крит, яку прийняв один з офіцерів 100-го гірськострілецького полку[42].

Операція «Меркурій» принесла і німцям, і захисникам жахливі втрати. 28 травня 1941 року Ф. Гальдер записав у щоденнику, що операція проходить набагато повільніше, ніж було заплановано, парашутисти зазнали дуже великих втрат[43]. В. Черчілл наводить наступні відомості: захисники втратили 13-15 тис. осіб, гітлерівці – 15 тисяч, знищена єдина повітряно-десантна дивізія Ґерінґа[44]. Проте, навіть радянські історики, погоджуючись з кількістю втрат британців, коригують втрати німецьких військ. Так, В. Фомін називає такі цифри: близько 4 тисяч убитими та більше 2,5 тисяч пораненими[45]. Хоча більшість фахівців сходяться на тому, що Критська операція призвела до знищення ядра німецьких повітряно-десантних військ.

На нашу думку, точніше, ніж Черчілл, наводить кількість жертв Г. Болдуїн. За його підрахунками, британські сили втратили 16 314 осіб (з них майже 12 тис. – полонені). Німецькі втрати – 6 098 осіб (що у 3 рази менше англійських даних)[46].

Критська повітряно-десантна операція, з одного боку, показала підвищення ролі повітряно-десантних військ в сучасних бойових діях, з іншого – внесла зміни в тактику бойового застосування повітряних десантів. Після Криту і німецькі парашутисти, й десантники інших армій використовувались у більш локальних операціях і десантувались зі своїм штатним озброєнням, яке включало групову та важку піхотну зброю.

Німецьке командування ретельно вивчало передовий досвід Червоної Армії з організації повітряно-десантних військ, проте і радянські воєначальники з Критської операції винесли корисні уроки. Десантники радянських військ в ході Другої Світової війни використовувались за призначенням ще обмеженіше, ніж німецькі.

* * *

Як і загалом вторгнення в Грецію, захоплення Криту не входило до стратегічних планів німецького верховного командування. Вирішальним чинником на користь штурму острова стала позиція рейхсмаршала Ґ. Ґерінґа, який хотів довести А. Гітлеру перевагу ВПС над Сухопутними військами та ВМС. Такі аргументи, як повітряна загроза британської авіації румунським нафтовим родовищам, були дещо натягнутими. Після захоплення Криту в Середземному морі залишались й інші британські бази, наприклад, Мальта. При бажанні британці могли дістатись до німецьких слабких місць і авіацією, й морськими силами.

Проте, Ґерінґ застосував і більш вагомий аргумент – що операція на Криті стане генеральною репетицією вторгнення на Британські острови. Таким чином, операція «Меркурій» була доручена військово-повітряним силам. План операції в пожежному порядку розробляли генерали Штудент та Зюсманн – організатори німецьких повітряно-десантних військ. Поспішність та брак досвіду не дозволили керівникам ПДВ створити цілісну стратегію операції.

Внаслідок цього з самого початку практичне виконання операції розійшлось з планом, що дозволило британцям досить успішно протидіяти гітлерівцям. Однак, в ході жорстоких боїв німці змогли переломити ситуацію на свою користь, досягнути повної переваги в повітрі над островом і загального успіху. Гітлерівські війська, чисельністю в 1,5 рази меншою, ніж захисники острова, змогли захопити його, втративши у 2 рази менше особового складу, ніж британці. З англійського боку головним винуватцем поразки зробили командувача військ на Близькому Сході генерала А.П. Вейвелла, який здійснював загальне керівництво обороною острова.

Операція «Меркурій» не мала значних наслідків на театрі воєнних дій, проте показала, що роль ПДВ в ході війни значно зросла. Змінились також і основні принципи бойового застосування десантів. Сам Крит відтягнув з континенту та майбутнього Східного фронту не одну дивізію (у 1944 році з острова було евакуйовано більше 30 тисяч німецьких солдатів)[47]. До того ж, захисники острова знищили головні сили німецького десанту, еліту ПДВ. У ході Другої Світової війни, пам'ятаючи німецький досвід на Криті, ні Червона Армія, ні англо-американські союзники не здійснювали виключно повітряні десанти, комбінуючи їх з морськими, або забезпечуючи реальну підтримку наступаючими наземними з'єднаннями.

ПРИМІТКИ:

1. Воздушные десанты Второй мировой войны. – М., 2003. – С. 27; *Ржешевский О.А.* Война и история (Буржуазная историография США о второй мировой войне). – М., 1976. – С. 338.

2. История военного искусства / Под общ. ред. П.А. Ротмистрова. – Т. 1. – М., 1963. – С. 321; История военного искусства: Учебник для военных академий Советских Вооруженных Сил / Б.В. Панов, В.Н. Киселев, И.И. Картавцев и др. – М., 1984. – С. 117; История войн и военного искусства. Учебник для высших военных учебных заведений. – М., 1963. – С. 129.

3. Великая Отечественная война: Краткий научно-популярный очерк / Под ред. П.А. Жилина. – Изд. 2-е. – М., 1973. – 542 с., карт.; Начальный период войны (По опыту первых кампаний и операций второй мировой войны) / Под общ. ред. С.П. Иванова. – М., 1974. – 357 с.; *Проэктор Д.М.* Агрессия и катастрофа. Высшее военное руководство фашистской Германии во второй мировой войне 1939-1945 г. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 1972. – 766 с.; *Фомин В.Т.* Фашистская Германия во второй мировой войне (сентябрь 1939-июнь 1941 г.). – М., 1978. – 328 с.

4. *Еременко А.И.* Против фальсификации истории второй мировой войны. – М., 1958. – 120 с.

5. *Безыменский Л.А.* Германские генералы – с Гитлером и без него. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – М., 1964. – 533 с., ил.

6. *Варлимонт В.* В гитлеровских штабах // От Мюнхена до Токийского залива: Взгляд с Запада на трагические страницы истории второй мировой войны / Сост. Е.Я. Трояновская. – М., 1992. – С. 126-138.

7. *Пикер Г.* Застольные разговоры Гитлера / Пер. с нем. И.В. Розанова; общ. ред., вст. ст. и предисл. И.М. Фрадкина. – Смоленск, 1998. – 496 с.

8. *Болдуин Х.* Сражения выигранные и проигранные. Новый взгляд на крупные военные кампании Второй Мировой войны / Пер. с англ. А.Н. Павлова. – М., 2001. – 624 с.

9. *Суворов В.* Последняя республика: Почему Советский Союз проиграл Вторую Мировую войну? – М., 2001. – 352 с.

10. *Фриснер Г.* Проигранные сражения / Пер. с нем. И. Глаголева, В. Кривули; предисл. М.М. Минасяна. – М., 1966. – 238 с.

11. *Блейер В., Дрехслер К., Ферстер Г., Хасс Г.* Германия во второй мировой войне (1939-1945) / Пер. с нем. А.И. Долгорукова, В.М. Артеменко, И.И. Карабутенко; под ред. М.И. Семиряги. – М., 1973. – 432 с.

12. Мировая война. 1939-1945 годы / Пер. с нем. А.А. Высоковского и А.И. Дьяконова. – М., 1957. – 538 с., ил.

13. *Горелик Я.М.* Можно ли верить дневникам Гальдера? // Военно-исторический журнал. – 1990. – № 8. – С. 84; *Жилин П.А.* Военная история // Встречи с историей / Сост. И.Л. Андреев; вст. ст. И.Д. Ковальченко. – М., 1987. – С. 76-78.

14. *Коваль В.* Перший і другий варіант плану «Барбаросса» // Військово-історичний альманах. Вип. 1. – К., 2000. – С. 55-69.

15. *Миллер Д.* Коммандос: Формирование, подготовка, выдающиеся операции спецподразделений. – Мн., 1998. – 512 с., ил.
16. *Коваль В.* Вказ. праця. – С. 66-68.
17. *Черчилль У.* Вторая мировая война: В 3-х кн. / Сокр. пер. с англ.; под ред. А.С. Орлова. – Кн. 2. Т. 3-4. – М., 1991. – 678 с.
18. *Гальдер Ф.* Военный дневник / Пер. с нем. И. Глаголева и Л. Киселева; под ред. и с предисл. полк. Д. Проэктора. – Т. 2 (1.07.1940-21.06.1941). – М., 1969. – 628 с.
19. *Болдуин Х.* Указ. соч. – С. 81.
20. *Коваль В.* Вказ. праця. – С. 56.
21. Там само. – С. 58.
22. *Черчилль У.* Указ. соч. – С. 50.
23. *Варлимонт В.* Указ. соч. – С. 135.
24. Начальный период войны… – С. 161.
25. *Пикер Г.* Указ. соч. – С. 40.
26. *Черчилль У.* Указ. соч. – С. 129.
27. *Болдуин Х.* Указ. соч. – С. 89.
28. *Гальдер Ф.* Указ. соч. – С. 489.
29. *Гротов Г.* Герман Геринг – маршал рейха. – М.; Смоленск, 1998. – С. 355.
30. *Гальдер Ф.* Указ. соч. – С. 537.
31. Большая Советская энциклопедия. – Изд. 3-е. – Т 13. – М., 1973. – С. 457.
32. *Черчилль У.* Указ. соч. – С. 130.
33. *Болдуин Х.* Указ. соч. – С. 89.
34. Там же. – С. 96.
35. *Гальдер Ф.* Указ. соч. – С. 530-531.
36. Воздушные десанты Второй мировой войны. – С. 167.
37. *Болдуин Х.* Указ. соч. – С. 102.
38. *Гальдер Ф.* Указ. соч. – С. 538.
39. *Болдуин Х.* Указ. соч. – С. 114.
40. *Гальдер Ф.* Указ. соч. – С. 541.
41. *Черчилль У.* Указ. соч. – С. 136.
42. *Болдуин Х.* Указ. соч. – С. 134.
43. *Гальдер Ф.* Указ. соч. – С. 549.
44. *Черчилль У.* Указ. соч. – С. 139.
45. *Фомин В.Т.* Указ. соч. – С. 224.
46. *Болдуин Х.* Указ. соч. – С. 135.
47. *Фриснер Г.* Указ. соч. – С. 128.

Поспелов А.С. (*Одесса*)

ОПЕРАЦИЯ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ АРГЕНТИНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПО ЗАХВАТУ ОСТРОВОВ МАЛЬВИНСКОГО АРХИПЕЛАГА «РОСАРИО» (1-3 апреля 1982 г.)

Заседание британского парламента в субботу 3 апреля 1982 г. готовилось в спешке. Вчерашний захват аргентинскими вооруженными силами Фолклендских островов и неясность ситуации на острове Южная Георгия определили повестку дня. Однако первая же фраза выступления премьер-министра Маргарет Тэтчер потрясла парламентариев не меньше, чем аргентинское вторжение: «Это пощечина мне!» (This is slap for me!)[1]. Так весьма эмоционально, но предельно ясно выразилась «железная леди», открыв дорогу войне, которую на туманном Альбионе вовсе не ждали…

I. Мальвинский конфликт и аргентинское решение.

В 1976 г. к власти в Аргентине пришла военная хунта из триумвирата командующих видами вооруженных сил. Военные руководили страной весьма жестко, явно нарушая права человека, из-за чего в 1979 г. США ввели эмбарго на поставки вооружения Буэнос-Айресу[2]. Некомпетентность военных привела и к резкому ухудшению социально-экономического положения в стране да росту недовольства хунтой в обществе[3].

Стремясь исправить сложившееся положение, лидеры хунты приняли решение отвлечь внимание населения от внутренних проблем на внешние. Именно поэтому в декабре 1981 г. аргентинское руководство начало переговоры с консервативным правительством Великобритании во главе с премьер-министром Маргарет Тэтчер о возвращении спорных Мальвинских (Фолклендских) островов, которые с 1820 г. являлись владением Аргентины, а в 1833 г. были захвачены Великобританией.

Еще в 1955 г. парламент Аргентины объявил Мальвины 24-й провинцией страны. Планировалось (и, по всей видимости, английское правительство поначалу соглашалось на это), что Мальвинские острова будут возвращены Аргентине на тех же условиях, на которых Великобритания несколько позже, в 1984 г. согласилась передать Гонконг КНР. Однако подобное решение вызвало протесты среди жителей собственно Фолклендского архипелага (около 1800 человек, большинство из которых даже не имело британского гражданства). Из-за этого, а также виду жесткой позиции правительства М.Тэтчер, переговоры быстро зашли в тупик, а затем прекратились вовсе[4].

В определившихся условиях хунта приняла решение о разрешении Мальвинской проблемы военным путем. Предложение об этом в середине декабря 1981 г. внес командующий ВМС Аргентины (член хунты) адмирал Жорже Анайя. Он же и начал разрабатывать операцию по захвату архипелага, а вскоре и стал ее официальным куратором. Командующий сухопутными войсками и одновременно руководитель хунты, генерал Л. Гальтиери, поддержал Ж. Анайю[5]. Однако командующий ВВС Аргентины, бригадный генерал ВВС Артуро Базилио Лами Дозо был против операции. Б. Лами Дозо утверждал, что ВВС Аргентины не смогут контролировать архипелаг, как действуя с него (для этого после вооруженного захвата требовались серьезные работы по подготовке соответствующий инфраструктуры), так и вылетая с аэродромов на континенте (не хватало бы дальности у боевых самолетов). А раз так, то авиационное прикрытие десанту он гарантировать не мог[6].

Но Ж.Анайя и не планировал масштабное участие в операции ВВС. Он полагал, что мощная аргентинская морская авиация не только сможет прикрыть высадку на архипелаг (благо, был в боевом составе ВМС авианосец «Бентисенко де Майо» («25 мая»), а многие эсминцы и фрегаты были оснащены вертолетами), но и обеспечить последующую оборону островов (так как в составе авиации ВМС Аргентины имелось достаточное количество легких штурмовиков, вполне пригодных для действий с аэродромов Мальвин). Л. Гальтиери настоял на участии в операции и спецподразделений сухопутных войск со своими вертолетами (SA.330L «Пума» и CH-47C «Чинук»), способными долететь до архипелага. От ВВС же требовалось обеспечить воздушную разведку и предоставить транспортные самолеты для переброски на архипелаг и высадки посадочным способом второго эшелона морских пехотинцев и коммандос сухопутных войск. Под давлением большинства Б. Лами Дозо вынужден был уступить.

Успешное возвращение Мальвин, как полагало аргентинское руководство, повысит популярность военного режима в стране. Для усиления подобного положения Генеральный штаб вооруженных сил Аргентины разработал операцию «Суверенитет», в которой излагались основные цели и задачи привлекаемых сил. Занятию подлежали не только острова собственно Мальвинского архипелага, но и находящийся на 900 км восточнее их остров Южная Георгия, а также необитаемые Южные Сандвичевы острова. Операция требовала немалых сил, поэтому аргентинское руководство заранее приняло меры к развитию собственной военной промышленности, а также начало закупать средства ведения войны в Западной Европе и Израиле. Решено было захватить острова посредством серии морских и вертолетных десантов, а затем переправить по воздуху и морем в Порт-Стенли (административный центр и единственный город архипелага на

острове Восточный Фолкленд) подкрепления с авиацией и бронетехникой[7].

Для достижения большего идеологического эффекта, операция получила название «Росарио» (в честь корабля капитана Джюэта, который в 1820 г. высадил десант на Мальвины и провозгласил суверенитет Аргентины над архипелагом). Кроме того, сама операция должна была начаться 25 мая 1982 г. – в день национального праздника Аргентины.

Все это давало возможность аргентинцам быстро и без серьезных потерь взять острова и, выиграв время в период суровой зимы в Южной Атлантике, основательно укрепиться на них. Огромные расходы при ведении широкомасштабных военных действий в столь отдаленном от метрополии районе, перспектива затягивания войны и вмешательство международных институтов, по мнению аргентинского руководства, должно было заставить Соединенное Королевство отказаться от претензий на данную территорию. Но даже и прибытие к Фолклендам АПЛ и отряда надводных кораблей Королевского флота Великобритании мало бы что изменило, поскольку снабжение гарнизонов Мальвин и Южной Георгии планировалось исключительно силами военно-транспортной авиации и подводных лодок[8].

С целью успешного осуществления операции «Росарио» командование вооруженных сил Аргентины осуществило ряд разведывательных мероприятий. В ходе одного из них, 2 марта 1982 г. транспортный самолет ВВС Аргентины С-130Е «Геркулес», совершая полет недалеко от архипелага, выполнил «вынужденную» посадку в аэропорту Порт-Стенли. Англичане отнеслись к неожиданным визитерам флегматично. В результате, предоставленные сами себе, аргентинские авиаторы разбрелись по острову и много фотографировали на нем. Полученная фотоинформация помогла аргентинским штабистам выбрать наиболее перспективные пути продвижения к административным и военным объектам в Порт-Стенли.

Одновременно боевые пловцы ВМС Аргентины из элитного подразделения «Бузо тактикос» вели подводную разведку берега для предстоящей высадки морского десанта. По результатам их действий выяснилось, что лишь побережье в районе Порт-Стенли пригодно для высадки морского десанта на Фолклендах, а касательно Южной Георгии только в бухте Грютвикен и в заливе Лейт можно попытаться высадиться, и то лишь в хорошую погоду, хотя это чрезвычайно рискованно, поэтому наиболее удачным решением здесь может быть десант с вертолетов[9].

Впрочем, в середине марта 1982 г. на Южной Георгии британского гарнизона не было и поэтому командование аргентинского ВМС сделало попытку захватить остров «мирно»,

осуществив специфическую операцию с целью выявить реакцию англичан на разворачивающиеся события.

19 марта 1982 года группа аргентинских рабочих (среди которых были и бойцы «Бузо Тактикос») аргентинского предпринимателя Серджио Давидофора, который закупил по цене металлолома оборудование простаивавших китобойных судов, высадилась на острове Южная Георгия с зафрахтованного военного транспорта В6 «Байя Буэн Суэсо», чтобы разобрать ржавый хлам. Они ссылались на соглашение 1971 года и на разрешение английского консула в Буэнос-Айресе, однако, английские власти заявили, что соглашение 1971 года не распространяется на Южную Георгию и потребовали оставить его территорию. В ответ аргентинцы подняли национальный флаг. Это вызвало протест со стороны правительства Великобритании. Было заявлено, что ответом на «незаконное присутствие» и «вызывающее поведение» будут «соответствующие меры». На это министр иностранных дел Аргентины Н. Коста Мендес ответил: «…аргентинцы работают на аргентинской территории и будут продолжать работать под защитой аргентинского правительства»[10].

Местные власти Южной Георгии выслали аргентинцев уже 21 марта, а губернатор Фолклендских островов Рекс Хант отправил на остров 23 морских пехотинца во главе с лейтенантом К. Мильсом. Судно ледовой разведки Королевского флота А171 «Эндьюранс» доставило их на Южную Георгию 24 марта. Британские морские пехотинцы спустили аргентинский флаг, а затем закрепились в поселке Грютвикен. Только на следующий день военный транспорт Аргентины Q6 «Байя Параисо» эвакуировал незадачливых разведчиков на континент[11].

Между тем, события начали опережать намеченные сроки. Примерно 25 марта британская разведка «взломала» аргентинские коды и англичане узнали о готовящейся аргентинской операции[12]. Получив разведывательную информацию о предстоящем вторжении на Фолклендские острова, связав ее с затягиванием Аргентиной переговоров по вопросу о спорном архипелаге, Британский кабинет министров 27 марта 1982 г. отдал приказ Королевскому флоту о немедленной подготовке и отправке на юг первого эшелона боевых кораблей и транспортов. 29 марта АПЛ S105 «Спартан» направилась в Южную Атлантику, 30 марта в море к Фолклендским островам вышли АПЛ S48 «Конкерор» и S106 «Сплендид»[13].

Накалялась и внутриполитическая обстановка в самой Аргентине. Уже 30 марта в Буэнос-Айресе прошла многотысячная демонстрация против правящего режима, которую жестоко разогнали силы безопасности[14].

В сложившейся ситуации, перед президентом Л. Гальтиери и его окружением встал вопрос: форсировать начало еще не до конца

подготовленной операции, или отказаться от нее, рискуя потерять престиж и надежду на возвращение архипелага, отнятого у их страны англичанами в далеком 1833 г. Хунта, после не долгих споров, пришла к выводу, что время не терпит и операцию надо начинать немедленно, чтобы опередить англичан. 26 марта аргентинское командование приняло окончательное решение о вторжении. Осуществление планов аргентинского военно-политического руководства было перенесено на 1 апреля 1982 г. и уже 28 марта аргентинские корабли начали выходить в море якобы для проведения совместных маневров с ВМС Уругвая[15].

II. Силы сторон и замысел аргентинского командования.

К 1 апреля 1982 г. Фолклендские острова и остров Южная Георгия обороняла 8901-я рота Королевской морской пехоты Великобритании – 120 человек. Командовал ими майор Майк Норман. Еще около 25 человек было в составе местных сил самообороны (Local Defence Force), но они практически не были вооружены. При этом, рота была разделена на 2 подразделения – 87 человек входило в гарнизон Фолклендских островов, а сводный взвод из 23 человек под командованием лейтенанта К. Мильса с конца марта находился на Южной Георгии[16].

Из-за крайней малочисленности сил при остром недостатке тяжелого вооружения, в том числе и средств ПВО, и полном отсутствии авиации, британские морские пехотинцы могли оборонять на архипелаге и острове лишь один объект. Поэтому на Фолклендах они закрепились собственно в Порт-Стенли и особенно у губернаторского дворца. Поскольку ожидалась высадка исключительно морского десанта (отвратительная погода не давала авиации нормально работать), то было организовано патрулирование побережья в районе административного центра архипелага. На Южной Георгии британские морские пехотинцы закрепились в районе залива Камберленд у поселка Грютвикен – единственного населенного пункта на острове, обладавшего хоть и примитивным, но все же причалом, и вертолетной площадкой. Так как прибытие АПЛ англичан в зону конфликта ожидалось не ранее 7 апреля, а первого отряда боевых кораблей и транспортов Королевского флота не ранее 13 апреля, то 120 британских морских пехотинцев могли рассчитывать лишь на себя[17].

Кроме того, в Южной Атлантике Великобритания располагала одним-единственным кораблем – вооруженным (2 20-мм АУ и 1 вертолет «Уосп» HAS.1) гидрографическим судном ледовой разведки (антарктическим ледоколом) А 171 «Эндьюренс», которое несло там патрульную службу. Сам корабль (1957 г. постройки) был уже порядком износившейся, проржавевшей посудиной – еще 30 июня 1981 года британское правительство объявляет о том, что судно "Эндьюренс" будет возвращено в Великобританию без замены другим кораблем. А 9 февраля 1982 года премьер-министр Великобритании Маргарет Тэтчер,

выступая в палате общин, поддерживает намерение списать устаревшее гидрографическое судно, которое в тот момент находится в Южной Атлантике. Впрочем, к началу войны этого еще не успели сделать, и "Эндьюренс" находился в районе Южной Георгии[18]. Однако его капитану Н. Баркеру было приказано отвести «Эндьюренс» подальше от острова[19].

Для вторжения на Мальвинские острова аргентинское командование сформировало 2 корабельных оперативных соединения (Task Force) – 20-е и 40-е. Дальнее прикрытие сил вторжения как на Мальвины, так и на Южную Георгию осуществляло 20-е ОС (TF 20) под командованием вице-адмирала Хуана Ломбардо. В его состав входило:

- АВМ V2 «Бентисенко де Майо» капитана де навио Дж.Сарконы с авиагруппой из 10 штурмовиков A-4Q «Скайхок», 6 противолодочных самолетов S-2E «Треккер», 3 противолодочных вертолетов SH-3D «Си Кинг» и 3 многоцелевых вертолетов SA-316 «Алует-III»;

- 4 ЭМ D29 «Педро Буена», D28 «Сегуи», D26 «Ипполито Боучард», D27 «Коммадоро Пи»;

- танкер B18 «Пунта Меданос».

40-е ОС (TF 40) под командованием контр-адмирала Жорже Гуалтера Аллара предназначалось для осуществления непосредственного вторжения на Мальвины и огневой поддержки десанта. Соединение состояло из двух групп: корабельной и десантной.

Корабельная (контр-адмирал Ж.Г. Аллар) группа:

- ЭМ УРО D2 «Сантисима Тринидад» (флагман), D1 ЭМ УРО «Геркулес»;

- ФР УРО F1 «Друмонд», ФР УРО F2 «Гранвил»;

- ДЭПЛ S 11 «Санта Фе».

Десантная группа (контр-адмирал морской пехоты Карлос Буссер) включала в себя десантные войска и их боевую технику на кораблях 40-го ОС.

Тактическая группа 40.1 (Task Group 40.1):

- ТДК Q42 «Кабо Сан Антонио»;

- ледокол Q5 «Адмиранте Иризал»;

- транспорт B8 «Исла де лос Эстадос».

Всего – 904 морских пехотинца, 20 плавающих БТР LVTP-5 и 6 105-мм гаубиц:

- штаб – 42 человека;

- 1-й батальон морской пехоты – 387 человек;

- амфибийный батальон поддержки – 101 человек и 20 плавающих БТР LVTP-5;

- амфибийная рота «коммандос» – 92 человека;

- разведывательная рота морской пехоты – 84 человека;

- батарея полевой артиллерии морской пехоты – 41 человек и 6 105-мм гаубиц;

- отряд боевых пловцов «Бузо Тактикос» – 12 человек;

- части 1-го батальона морской пехоты в качестве резерва – 145 человек.

Сразу же после взятия Мальвин, на архипелаг планировалось по воздуху перебросить и 2-й батальон морской пехоты с 9-м инженерным батальоном (всего 1000 человек).

Взятие Южной Георгии было возложено на Оперативную группу 60.1 (Task Group 60.1) под командованием капитана де навио С. Тромбеты. В ее состав входил ФР УРО F3 «Гуеррико» и антарктическое научно-исследовательское судно Q6 «Байя Параисо». На борту последнего находились: транспортный вертолет SA.330L «Пума» и «антарктический» (наблюдательный) вертолет SA.319B «Алует III». Десант из состава 1-го батальона морской пехоты, численностью 80 человек под командованием капитана Артуро Астиса был пересажен с транспорта B8 «Исла де лос Эстадос» (40-е ОС) на корабли ТГ 60.1 по 60 и 20 человек соответственно.

Поддерживать десантные войска готовилась и авиация берегового базирования. А «коммандос» 601-й группы специального назначения сухопутных войск (около 500 человек) готовы были высадиться на Мальвины как парашютным, так и посадочным способом. Их переброску на архипелаг должны были осуществлять 6 C-130E «Геркулес» и от 3 до 10 F-28 «Феллоушип» из состава ВТА ВВС[20].

III. Осуществление операции «Росарио»

28 марта с ДЭПЛ S11 «Санта Фе» была высажена группа из 12 боевых пловцов на острове Восточный Фолкленд (Гран Мальвина) в заливе Йорк близ Порт-Стенли. В течении трех дней «Бузо тактикос» вели скрытую разведку побережья, определяя самые удобные места для десанта главных сил. Аргентинские боевые пловцы, кроме того, занимались разведкой расположения британских войск, нарушали линии связи, занимались оценкой возможности провоцировать население. Англичане вовсе не заметили аргентинских боевых пловцов и даже не особенно стремились восстанавливать перерезанные ими линии связи, виня во всем плохую погоду. 1 апреля «Бузо тактикос», в целом успешно выполнив задание, вернулись на «Санта Фе»[21].

Получив информацию от морских разведчиков, командующий десантным отрядом контр-адмирал К. Буссер теперь точно знал, где следует высаживаться, и от идеи использовать «пятую колонну» из местных жителей, подстрекаемых аргентинскими диверсантами, он отказался как от бесперспективной. Да к тому же у него не было времени. 1 апреля в 0 часов из Буэнос-Айреса поступил приказ Мальвины взять.

Между тем, планы аргентинцев были уже известны британскому руководству. Однако оно все еще надеялось урегулировать конфликт мирными средствами с опорой на бряцание оружием. Поэтому, по

просьбе Маргарет Тетчер, президент США Рональд Рейган 1 апреля позвонил Л. Гальтиери. Американский президент 40 минут уговаривал своего аргентинского коллегу отказаться от вторжения на Мальвинские острова, но переубедить лидера хунты ему не удалось[22].

Вечером 1 апреля 1982 г. губернатор Фолклендских островов Рекс Хант получил предупреждение об опасности аргентинского вторжения. Он поднял по тревоге гарнизон, и тот с вечера занял позиции на окраине Порт-Стенли и в его административном центре у губернаторского дворца. Кроме того, британские морские пехотинцы укрепились и в аэропорту, заблаговременно забаррикадировав его взлетно-посадочную полосу техникой и прочими посторонними предметами[23].

Поздно вечером 1 апреля 1982 г. резко ухудшились погодные условия. Кроме того, К. Буссеру стало известно о потере фактора внезапности: было перехвачено радиообращение английского губернатора к населению и гарнизону с предупреждением о грядущем вторжении[24].

Первыми на Мальвины в ночь с 1-го на 2-е апреля в заливе Йорк с ДЭПЛ S11 «Санта Фе» снова были высажены 12 боевых пловцов с целью провести скрытую разведку и окончательно определить и взять под контроль места высадки, которую планировалось начать ранним утром 2-го апреля.

В туже ночь с 1 на 2 апреля 1982 г., но немного позже, в нескольких километрах от Порт-Стенли 90 аргентинских морских пехотинцев из состава амфибийной роты «коммандос», пересев с ЭМ УРО D2 «Сантисима Тринидад» на десантные лодки, направились к берегу. В 2.30 2 апреля они высадились на пляже и без единого выстрела обезоружили английский патруль из 8 морских пехотинцев в районе маяка на мысе Пенбрук (возможно, это были первые жертвы Фолклендской войны, но ни одна из сторон официально факт смерти восьмерых британцев не подтверждает). Благодаря этому был ликвидирован наблюдательный пункт, контролировавший подходы к Порт-Стенли. Затем «коммандос» разделились на две группы и направились вглубь побережья.

Первая группа, численностью в 60 человек, должна была занять аэропорт и здание таможни. Это удалось сделать достаточно легко – гарнизон аэропорта (4 человека) сдался без боя. После этого группа направилась к району Муди-Брук, где располагался штаб и казармы Королевской морской пехоты. «Коммандос» практически бесшумно подобрались к объекту атаки и с нескольких сторон ворвались в него. Однако там (было 6 утра) никого не оказалось – здания Муди-Брук были полностью пусты.

Тем временем, вторая группа «коммандос», численностью в 30 человек, заняла почту и радиостанцию, а затем направилась к

резиденции губернатора с целью его пленения. Именно там и находилось большинство английских морских пехотинцев. Они-то и встретили аргентинцев яростным огнем из всего наличного оружия. Несмотря на подход первой группы, аргентинцы на штурм не решились. Из-за плотного огня британцев аргентинцы больше часа не могли и головы поднять. Лишь когда огонь оборонявшихся ослабел (по всей видимости из-за элементарного перегрева стволов винтовок и пулеметов), 6 аргентинцев смогли зайти с тыла к Дому правительства. Однако и там они были встречены огнем 3 англичан. Командир аргентинской группы капитан П. Гианчо был смертельно ранен. Еще трое аргентинцев сдались[25].

В 4.30 утра, в 4 км западнее Порт-Стенли, в районе речки Милет-Крик вертолетами CH-47C «Чинук» были высажены две группы в 150 и 70 «коммандос» сухопутных войск из состава 601-й группы специального назначения. Еще 70 разведчиков морской пехоты вертолеты SH-3B «Си Кинг» доставили в Муди-Брук (район пустых британских казарм) с ледокола Q5 «Адмиранте Иризар». Практически одновременно, в аэропорту Порт-Стенли посадочным («американским») способом с 3-х «Геркулесов» была высажена десантно-штурмовая группа «коммандос» сухопутных войск численностью в 210 человек. Она вместе с уже захватившими аэродром морскими пехотинцами приступила к расчистке взлетно-посадочной полосы аэродрома. Вскоре туда прибыли и саперы. Они окончательно разобрали завалы, устроенные англичанами, и в 8.30 утра на аэродроме Порт-Стенли приземлился первый «Геркулес» с десантом. Всего на 6-ти «Геркулесах» (с авиабаз Коммодоро-Ривадавия и Рио-Гальегос) было доставлено 500 морских пехотинцев из состава 2-го батальона морской пехоты[26].

Тем временем, начиная с 6.15 утра, на остров начали прибывать войска: у маяка Пемброк с корабля Q42 «Кабо-Сан-Антонио» было высажено 300 человек, еще 450 человек высадились в самом Порт-Стенли. Здесь англичане оказывали упорное сопротивление и повредили огнем пулеметов и РПК «Карл Густав» войсковой транспорт B8 «Исла де лос Эстадос».

Фактически, к 8.30 утра 2 апреля 1982 г. остров Восточный Фолкленд фактически был захвачен аргентинским морским (750 человек) и воздушным (500 человек) десантом, которым командовал бригадный генерал О. Гарсия.

Однако английские морские пехотинцы еще упорно сопротивлялись около резиденции губернатора. Перестрелки время от времени прерывались переговорами, однако, безо всякого результата. Около 9 утра к губернаторскому дому с аэродрома на вертолетах были доставлены минометы. Первые же их залпы убедили британцев в безнадежности их положения. Видя, что дальнейшее сопротивление

бесполезно, губернатор Фолклендских островов в 9.15 отдал приказ сложить оружие. К 9.25 утра британцы сдались (к тому моменту резиденцию губернатора защищали только 6 человек). Гарнизон Фолкленд к 9.30 официально капитулировал, хотя в отдаленных пунктах, сопротивление продолжалось до 14 часов[27].

В то время, как на Фолклендах разворачивалась операция «Суверенитет» к удаленному более чем на 1000 км от Мальвин острову Южная Георгия шел аргентинский фрегат F3 «Геррико». На его борту находились 60 десантников (из состава 1-го батальона морской пехоты). Утром 3 апреля к кораблю присоединилось антарктическое исследовательское судно Q6 «Байя-Параисо» с двумя вертолетами. Вскоре этот отряд прибыл к месту назначения, и в 11.00 с борта «полярника» отправился на разведку вертолет SA-319B «Алуэтт-III». Связавшись по радио с обитавшими в поселке Грютвикен метеорологами, экипаж узнал, что британских военных на острове нет. Однако это оказалось дезинформацией[28].

Получив еще утром 2 апреля 1982 г. сообщение о вторжении аргентинцев на Фолкленды, лейтенант К. Мильс утром 3 апреля визуально обнаружив подход к заливу Камберленд аргентинских кораблей, организовал засаду. Одновременно вспомогательное судно Королевского флота «Эндьюренс» получило приказ уходить на север, навстречу идущим к острову британским кораблям[29].

В 12.00 SA-330L "Пума" с фрегата высадила первых 15 десантников. Через некоторое время вертолет вернулся на фрегат, взял вторую группу морских пехотинцев и вновь отправился к поселку Грютвикен. Одновременно оба аргентинских корабля стали входить в залив Камберленд.

Именно в это время британские морские пехотинцы открыли огонь из всех видов имевшегося у них оружия. Первым под обстрел попал SA-330L «Пума» со второй группой десантников. Метко выпущенная из РПГ граната попала в вертолет и сожгла его. Два аргентинца были ранены. Затем огнем из стрелкового оружия англичане сбили «антарктический» вертолет. 4 аргентинца, находившихся на его борту, погибли[30].

Вскоре в бухту вошли аргентинские корабли и высадили на пирс Грютвикена оставшихся десантников. В итоге завязался бой, который длился 2 часа. Во время его англичане обстреляли подошедший слишком близко к берегу фрегат «Гуеррико» из РПГ (66-мм РПГ LOW и 84-мм РПГ «Карл Густав»), добившись 3-х попаданий и незначительно повредив его. В ответ с фрегата открыли огонь из 100-мм АУ, выпустив три снаряда, которых оказалось достаточно, чтобы британцы сдались[31].

По данным британской прессы во время операции на Южной Георгии погибло 3-4 аргентинца, 7 ранено, среди британцев был легко ранен 1 морской пехотинец. Пленных 23 англичан и еще 13

гражданских лиц аргентинцы доставили на «Гуеррико», который высадил их в Порт-Стенли. Там же с фрегата сняли 4 ПУ ПКР «Екзосет» с ракетами ММ-38 и установили их на автомобили, создав таким образом, подвижную береговую противокорабельную ракетную батарею. Сам же фрегат возвратился на континент для мелкого ремонта[32].

Операция «Росарио» завершилась к 14 часам 3 апреля 1982 г. Аргентинское командование в целом результатами было удовлетворено, однако понесенные потери и абсолютно отвратительная погода заставила аргентинцев не высаживать десант на Южные Сандвичевы острова, ввиду бесперспективности этой акции. Кроме того, хунта решила соблюсти все нормы международного права, благодаря чему в тот же день британские морские пехотинцы и губернатор Рекс Хант были отправлены самолетом в Уругвай. Подчиненные лейтенанта К. Мильса были доставлены туда же 16 апреля. Новым губернатором Фолклендских островов стал бригадный генерал Марио Менендес (церемония вступления его в должность была проведена 7 апреля)[33].

Десант на Фолкленды может служить образцом современной спецоперации, проведенной в великолепном стиле, в каком то смысле даже элегантно. Причем, практически без серьезной долговременной подготовки и существенных потерь – единственной жертвой стал смертельно раненый командир второй группы аргентинского спецназа (в западной прессе получили распространение цифры: 15 убитых и 17 раненых аргентинцев при штурме Дома правительства. Всего якобы убито и умерло от ран 25 аргентинцев. При этом, о судьбе 8 англичан из патруля на мысе Пенбрук в источниках и литературе встречаются диаметрально противоположные сведения). Конечно, силы сторон были далеко не равны, но, если вспомнить, как вскоре пройдет операция США на Гренаде, станет ясно, что количество не всегда переходит в качество.

Взятие Южной Георгии показательно во многих отношениях. Во-первых, это первый в мировой истории бой пехотного (морской пехоты) взвода со штатным вооружением одновременно против морского, воздушного и наземного противника. Несмотря на поражение, взвод К. Мильса сумел уничтожить 2 вертолета и повредить фрегат, не имея при этом специальных средств ПВО и ПКО. Кроме того, он продержался 2 часа в условиях отвратительной погоды и низкой температуры. Лишь огонь 100-мм ФР УРО F3 «Гуеррико» заставил британских морских пехотинцев сдаться. Это в сложившейся ситуации было единственно правильным решением. Альтернатив у К. Мильса и его подчиненных было всего две. Либо погибнуть под снарядами корабельной артиллерии аргентинского фрегата, либо уйти вглубь необитаемого острова, выжить на котором без соответствующих запасов и жилого

фонда, было практически невозможно. Оставался еще вариант – вести бой до полного израсходования боеприпасов, постоянно меняя позиции. Британские морские пехотинцы поступили именно так, и за 2 часа боя боеприпасы уже были на исходе.

Во-вторых, бой на Южной Георгии со всей наглядностью показал, что правильно организованная засада, в сочетании с высокой профессиональной подготовкой личного состава, который отлично владеет штатным вооружением и нестандартно мыслит, да еще при верно данной дезинформации может дать ощутимый результат.

В-третьих, со стороны аргентинцев захват Южной Георгии тоже был организован правильно. Однако, высадка десанта и вход кораблей в залив Камберленд проходили без заранее организованной разведки. В сложившейся ситуации правильнее было бы разделить функции вертолетов: SA-330L «Пума» использовать в качестве транспортно-десантного, а SA-319B «Алуэтт-III» – в качестве вертолета-разведчика, корректировщика и огневой поддержки. При этом фрегату «Гуеррико» не следовало близко подходить к берегу, а производить высадку десанта при помощи лодок и катеров, при активной поддержке своей артиллерии. Кстати именно так осуществлялась высадка десанта на Мальвинские острова у Порт-Стенли с эсминцев днем ранее.

В целом, можно констатировать факт легковерия аргентинцев, их недооценки противника и действия весьма шаблонными способами. При подавляющем превосходстве в силах они принесли аргентинцам победу, но и цена за нее оказалась значительной.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. Great Britain. Parliament. House of Commons. The Parliamentary debats (Hansard). – L., 1982. – Vol. 21. – Session 1981-1982. – 29 March-8 April 1982. – P. 503.

2. The political economy of Argentina, 1946-1983 / Ed. by Di Tella G. Dirnbush R. – Oxford, 1989. – P. 297.

3. *Шульговский А. Ф.* Армия и политика в Латинской Америке. – М., 1979. – С. 540.

4. *Лазарев М. И.* Как урегулировать спор об островах (Como resolver et litigio sobre lasislas) (о Фолклендских (Мальвинских) островах). – М., 1992. – С. 4-9.

5. *Middlebrook M.* The fight for the "Malvinas". The Argentine forces in the Falklands war. – L., 1990. – P. 3-6.

6. *Котлобовский А.* Война у ворот Антарктиды //Авиация и время. – 1999. – № 6. – С. 25-26.

7. *Lambrecht R.* Der Krieg im Subatlantic. – Berlin, 1986. – S. 13.

8. *Котлобовский А.* Указ соч. – С. 26.

9. Там же; *Kubiak K.* Falklandy – Port Stanley 1982. – Warszawa, 2007. – S. 39-44.

10. *Миллер Д.* Коммандос: Формирование, подготовка, видающиеся операции. – Минск, 1997. – С. 277.

11. *Аничкин Ф.* Англо-аргентинский конфликт // Новое время. – 1982. – № 16. – С. 7-8; HMS Endurance // www.britains-smallwars.com/Falklands/Endurance.htm

12. *Thather M.* The Downing street years. – L., 1993. – P. 207.

13. Адмирал Сэнди Вудворд и Патрик Робинсон. Фолклендская война. Мемуары командующего фолклендской ударной группой. – Севастополь, 2005. – С. 105.

14. *Котлобовский А.* Указ соч. – С. 25; *Kubiak K.* Op. cit. – S. 33-34.

15. *Доценко В.* Флоты в локальных войнах второй половины XX века. – М. – СПб., 2001. – С. 242.

16. *Крофорд С.* Энциклопедия спецназа. SAS в действии. – М., 2003. – 132-133.

17. *Кожухаров А.* Десанты в ходе Южно-Атлантического кризиса // Морской сборник. – 1996. – № 6. – С. 68-69; Naval Party 9801 // www.britains-smallwars.com/Falklands/NP8901.htm

18. *Доценко В.* Указ соч. – С. 243.

19. The Argentine Invasion of South Georgia // www.britains-smallwars.com/Falklands/South-Georgia.htm

20. *Lambrecht R.* Op. cit. – S. 13-18; *Middlebrook M.* Op. cit. – P. 21-23; *Kubiak K.* Op. cit. – S. 66-73.

21. *Миллер Д.* Указ соч. – С. 278.

22. *Thather M.* The Downing street years. – L., 1993. – P. 216.

23. *Котлобовский А.* Указ соч. – С. 27; Kubiak K. Op. cit. – S. 54 - 55.

24. Войны второй половины XX века / Автор-составитель А.Н. Гордиенко. – Минск, 1998. – С. 489.

25. *Middlebrook M.* Op. cit. – P. 24.

26. *Котлобовский А.* Указ соч. – С. 27; *Котлобовский А., Уррибарес Р.* …и вся королевская рать. // Авиация и время. – 2002. – № 2. – С. 35.

27. *Kubiak K.* Falklandy. – Warszawa, 1998. – S. 5.

28. *Котлобовский А.* Война у ворот Антарктиды //Авиация и время. – 1999. – № 6. – С. 26-27.

29. The Argentine Invasion of South Georgia // www.britains-smallwars.com/Falklands/South-Georgia.htm

30. *Кожухаров А.* Указ. соч. – С. 70.

31. Там же; *Kubiak K.* Falklandy – Port Stanley 1982. – Warszawa, 2007. – S. 64-66.

32. The Morning Star. – 1982. – April 6.

33. Войны второй половины XX века. – С. 490.

Петровский В.И. (*Донецк*)

СИМВОЛИКА И ЭМБЛЕМАТИКА ВОЗДУШНО-ДЕСАНТНЫХ ВОЙСК И СПЕЦНАЗА ВООРУЖЕННЫХ СИЛ РФ

Назначение войсковых эмблем состоит в том, чтобы установить четкое различие родов войск, частей и групп по внешнему виду. Войсковые эмблемы в материальном воплощении представляют собой небольшие изображения, расположенные на погонах и петлицах офицерского, сержантского и рядового состава, а также в печатном на ткани виде как нашивки. В эту категорию попадают и нагрудные знаки (прежде называвшиеся „полковыми"). Во времена СССР нарукавные нашивки были только у целых министерств или родов войск. Первый известный случай появления нарукавной нашивки, свидетельствующей о принадлежности к конкретному воинскому формированию, относится к 1989 г., когда такая нашивка появилась в 61-й отдельной бригаде морской пехоты Северного флота. Однако в ВС СССР этот обычай не получил большого распространения.

В 1992-1993 гг. были разработаны нарукавные нашивки для соединений ВДВ, утвержденные приказом Министра обороны России № 35 от 26.01.93. Вскоре вышел Закон Российской Федерации «О воинской обязанности и военной службе» от 11 февраля 1993 г., 38-я статья которого предусматривала ношение на военной форме одежды нарукавных нашивок по принадлежности к ВС в целом и к конкретным формированиям. Однако установление таких нашивок для ВДВ привело к тому, что различные части, соединения и училища начали разрабатывать свои нарукавные нашивки и утверждать их на местном уровне. Все попытки созданного в 1994 г. отдела военной геральдики Генштаба прекратить несанкционированное введение и ношение этих нашивок оказались безуспешными. В настоящее время никто не может сказать, сколько видов нарукавных нашивок существует в ВС России. Несмотря на приказ, отданный Министром обороны РФ в 1997 г. (№ 210) и вводящий в действие «Временное положение о нарукавных нашивках по принадлежности к конкретным воинским формированиям ВС РФ», хаос в этой области продолжается.

Все нашивки и знаки, используемые в частях и подразделениях, можно разделить на следующие группы:

1) утвержденные приказами и решениями Министра обороны РФ;

2) утвержденные приказами главкома Сухопутных войск и командующего ВДВ;

3) утвержденные на более низких уровнях;

4) не утвержденные вообще.

Нагрудные знаки, посвященные интересующей нас тематике, довольно разнообразны. Условно их можно разделить на:

1) квалификационные знаки;

2) знаки частей и подразделений ВДВ (дивизий, бригад, полков, отдельных батальонов, иногда даже рот);

3) знаки, присуждаемые за окончание учебных заведений ВДВ (РВВДКУ, средних училищ, школ прапорщиков, учебных центров);

4) юбилейные знаки;

5) ветеранские знаки;

6) т.н. дембельские знаки.

Три последние группы знаков именуются значками. В эмблематике они практически не учитываются: к ним не предъявляют столь строгих эмблематических требований, как, скажем, к государственным знакам отличия. Именно поэтому при их создании часто возникали грубейшие нарушения элементарных эмблематических правил, а вследствие огромных тиражей этих значков ошибки в эмблематике стали широко распространенным явлением и потому порой не воспринимаются как ошибки (например, щит на знаках ВДВ).

Знаки ВДВ – ведомственные знаки отличия. Поэтому устанавливаются и утверждаются они не государством, как государственные знаки отличия, а ведомством Вооруженных Сил страны. К сожалению, это правило последние 5-6 лет стало систематически нарушаться в связи с выпуском знаков отдельных соединений и частей, которые утверждались и заказывались общественными организациями временного типа – советами ветеранов, инициативными комитетами соответствующих частей, принимавшими решения об издании юбилейно-отличительных значков. «Дембельские» же значки изготовляются появившимися сейчас во множестве частными фирмами и мастерскими в инициативном порядке и сбываются военнослужащим срочной службы как ВДВ, так и других родов войск. Все эти знаки представляют собой только плод фантазии мастера-изготовителя и, как правило, не выдерживают никакой критики с точки зрения геральдики.

Очевидно, что в настоящее время ни музеи, ни частные коллекционеры не располагают полной коллекцией такого рода знаков отличия. Однако, даже не имея перед глазами генеральной совокупности, по имеющейся выборке уже можно сделать первые предварительные выводы. Вот перечень наиболее часто встречающихся элементов:

- *парашют*. Используется в 95% знаков отличия, как в составе войсковой эмблемы ВДВ (парашют и два самолета ВТА), так и как самостоятельный элемент. Парашют является характерным видом

снаряжения именно ВДВ, хорошо узнаваем и вполне естественно, что он выступает в качестве основной эмблемы ВДВ;

- *хищные животные* (вепрь, волк, тигр). Изображение свирепых хищников очень распространено в эмблематике ВДВ, но, в отличие от войсковых эмблем ВС иностранных государств, где эти изображения используются в качестве классических символов, волки и тигры на знаках и нашивках российских десантников не несут в себе какого-либо сложного, иносказательного смысла. Их присутствие в эмблематике ВДВ подчеркивает агрессивность этого рода войск, символизирует доблесть, бесстрашие, готовность сразиться с любым врагом;

- *орел*. Один из центральных элементов в эмблематике ВДВ. Толкование его в данном контексте также отличается от трактовки классической геральдики. В десантных войсках есть пословица: «Десять секунд – Бог, пять минут – орел, а остальное время – лошадь». Именно эти пять минут под куполом парашюта и символизирует орел;

- *самолет ВТА* (военно-транспортной авиации) один из вспомогательных элементов. Символизирует традиционный способ инфильтрации – по воздуху;

- *девиз*. Один из составных, но вовсе не обязательный элемент эмблемы. Помещается как в верхней, так и в нижней части эмблемы на девизной ленте. ВДВ располагают своими корпоративными девизами, которые в сжатой форме передают их направляющий принцип. Некоторые девизы очень напоминают боевые кличи:

- ВДВ: «Никто кроме нас!»;
- 104-я гв. ВДД: «Себе честь – Родине слава!»;
- 51-й гв. ПДП: «Нет задач невыполнимых!» и т. д.

«Знакомания» продолжает развиваться, напоминая собою аналогичный процесс начала века (1907-1917). Такая повальная мода объясняется весьма просто: войсковые эмблемы играют в современных условиях ту роль, которую в прошлом играли вначале разноцветные мундиры различных родов войск, а позднее – разноцветные погоны и петлицы мундиров военнослужащих, ибо цель войсковых эмблем – установление прочного различия личного состава разных родов войск по внешнему виду. Сейчас, когда петлицы и околыши ушли в прошлое и все одеты в одинаковый камуфляж, отличить, к примеру, военнослужащего ВС от воина ВВ можно лишь по нарукавному шеврону, нагрудному знаку и т.п. В ВДВ РФ множество частей и подразделений. Регламентированные знаки и нашивки имеют лишь крупнейшие из них. Но и военнослужащие прочих десантных бригад, отдельных полков и батальонов создают собственные проекты знаков и нашивок; фактически, истинными творцами войсковых эмблем являются армейские фантазеры-умельцы, а не профессионалы-эмблематисты.

Документи. Матеріали. Спогади.

Чванов П.П. (*Одесса*)

ИСПЫТАНИЕ (ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ ВОЕННОГО МОРЯКА)

Подводная лодка С-173[1] стояла у причала в Сайдагубе. Она совсем недавно прибыла из автономного плавания. Большая часть экипажа убыла на отдых. Старшим на лодке остался бывший командир минно-торпедной боевой части капитан 3 ранга Шакула. Недавно его назначили на должность старшего помощника командира ПЛ[2]. Теперь он один олицетворял и командира боевой части 2 и 3, и командира корабля, и старпома одновременно. Остальные должности временно заместили матросами, старшинами и офицерами из резерва командира бригады. Здесь же проходили практику четверо курсантов рижского Высшего Военно-морского училища подводного плавания. Двое из них – Антон и Василий Митрохин – были размещены в 7 отсеке. Экипаж ПЛ занимался так называемым «навигационным ремонтом». Остальные подводные лодки занимались отработкой и совершенствованием боевых задач, поставленным им на год.

Октябрь 1958 года. Газета «Красная звезда» пестрела заголовками о ежедневных нарушениях самолетами НАТО государственной границы СССР в районе, граничащем с местами базирования подводных лодок КСФ[3]. Поэтому на кораблях ВМФ очень часто объявляли тревогу. Обычно после объявления учебной боевой тревоги проводится плановое учение либо тренировки на боевых постах. На сей раз все было по-другому. С главного командного пункта потребовали досконально проверить наличие и состояние индивидуальных спасательных средств, в том числе дыхательных аппаратов, водолазных костюмов и запас регенеративных пластин к регенеративным установкам. Их оказалось недостаточно и химик, старшина 2-й статьи Потехин, тут же был вызван на ГКП[4]. Вернулся он очень не скоро, был хмур и неразговорчив. И лишь спустя некоторое время сознался, что получил хороший нагоняй от старпома за то, что на ПЛ отсутствует необходимое количество регенеративных пластин. Хотя на плавбазе и удалось раздобыть несколько коробок, было их явно недостаточно на случай, если придется долго находиться под водой. Оставалось надеяться только на обещание командования вернуть ПЛ в базу для окончания навигационного ремонта после ее прибытия в пункт рассредоточения. Потехин сообщил также, что у причала их лодка осталась одна, даже плавбаза снимается с якоря и швартовов. По словам того же Потехина, их лодке приказано сворачивать навигационный

ремонт и быть готовыми к выходу в море, как только прибудет командир ПЛ. Прошло еще около двух часов, и вдруг опять зазвучал сигнал боевой тревоги, лодка тут же снялась со швартовов и вышла в море. Оказалось, что командир ПЛ уже прибыл из Североморска на торпедном катере и ждет свою лодку на внешнем рейде. Вскоре к подлодке, идущей в крейсерском положении, пришвартовался небольшой торпедный катер, командир ПЛ перешел с него на борт субмарины и торпедный катер сразу же отошел. Командир подводной лодки, спустившись в центральный отсек, тут же по ГГС[5] поздоровался со всем личным составом лодки, сообщил о своем вступлении в командование и проинформировал команду о задачах, поставленных перед ней в свете предстоящих учений Северного флота.

– Товарищи матросы, старшины и офицеры, – закончил он свое обращение, – недавно наша лодка успешно выполнила все задачи, поставленные нам на автономнее плавание и я надеюсь, что и в этом походе вы не посрамите чести нашего экипажа!

Не успела подлодка прибыть в пункт рассредоточения, как последовала команда:

– Подводным лодкам занять свое место в ордере, согласно плану!

В соответствии с планом учения, лодке предстояло в составе отряда ПЛ преодолеть противолодочный рубеж «противника» глубиной более ста миль, после чего самостоятельно выйти в заданный квадрат, находящийся в нескольких милях западнее острова Кильдин, лечь на грунт и ожидать там не менее четырех часов, пока не будет обнаружена противолодочными силами "противника", либо пока не истечет время, указанное в задании. Несколько суток лодка в подводном положении в составе отряда ПЛ на небольшой скорости продвигалась в заданном направлении, меняла глубину и скорость, отражала атаки «противника», сама выходила в атаку по «обнаруженной цели противника», неоднократно резко увеличивала скорость, и снова медленно и бесшумно скользила под толщей воды на одном электромоторе. Ночью она всплывала на перископную глубину, шла под дизелями, используя специальную систему, обеспечивающую работу дизелей под водой или «под РДП». Вскоре командир ПЛ поздравил экипаж с успешным преодолением противолодочного рубежа «противника» и поставил новую задачу: незаметно оторваться от отряда и выйти в район покладки на грунт. При этом командир еще раз напомнил личному составу о необходимости соблюдать режим скрытности перехода. Прошло еще полтора суток и, наконец, раздалась команда:

– По местам стоять! Приготовиться к покладке на грунт!

Штурманский электрик – старшина 1 статьи Удовенко – включил эхолот, бросил быстрый взгляд на штурманский стол, рядом с которым, размещался его пост, и увидел, как штурман нарисовал маленький

якорек, нанеся на карту место предполагаемой покладки на грунт. Рядом с якорьком красовались буквы «Гл. и Гр.», что означало «галька и гравий». Он тут же перевел взгляд на самописец эхолота. Отметки от двух, проскочивших за это время сигналов, были недостаточно четкими. Надо бы проследить еще пару сигналов, но привычка бороться за улучшение нормативов взяла верх.

– Грунт твердый. Глубина 75 метров, – четко доложил он.

После непродолжительного маневрирования подлодка мягко коснулась грунта и замерла. Антон, в обязанности которого входило следить за показаниями кормового глубиномера и передавать их в центральный пост, прокричал:

– Глубина 70 метров!

Тут же раздалась команда:

– Осмотреться в отсеках!

Через несколько минут с центрального поста последовала очередная вводная:

– Боевая готовность номер два. Дежурству и вахте заступить по-якорному! Свободным от вахты отдыхать в койках!

Забравшись на койку, Антон почти сразу же уснул. Даже периодическое пыхтение насоса гидравлики, расположенного рядом с койкой, его не тревожило. Сказалась нагрузка предыдущих дней. Четыре часа сна пролетели, как миг. Услышав скрип кремальеры и открывающейся двери переборки, Антон открыл глаза и удивленно уставился на командира отсека главного старшину Борейко, который, не успев переступить комингс двери, закричал:

– Подъем! Кончай ночевать!

– А как же режим полной тишины? – недоуменно спросил Антон.

– Кончился – весело ответил Борейко. – Противолодочники нас не нашли. Теперь мы должны им помочь. Так что берите кувалду и вперед. Колотите по паелам, пока не оглохнете. Наслаждайтесь шумом и гамом.

Курсанты засмеялись. Они решили, что командир отсека их разыгрывает. Но Борейко вдруг рассвирепел:

– Вам что, по десять раз повторять? Быстрее берите кувалды и не стесняйтесь!

Ребята наконец-то поняли, что «группенфюрер» с ними не шутит, и принялись за дело. Они изо всех сил колотили по паелам, горланили песни и дурачились, как могли. Минут через десять Борейко приказал прекратить шум. Прошло еще полчаса, но никаких признаков, свидетельствующих о том, что «противник» обнаружил ПЛ, не ощущалось. В отсеках стояла гробовая тишина, лишь изредка нарушавшаяся сопением гидронасоса. С ГКП снова последовала команда стучать по паелам. Так повторялось несколько раз. Никаких признаков нахождения поблизости «кораблей противника» не было. С

начала операции по поиску подводной лодки, лежащей на грунте, прошло уже более 8 часов. Тишина стала беспокоить не только командование ПЛ. Каждый член экипажа уже начал ощущать эту исключительную тишину. Но не только тишина беспокоила подводников. Еще большее беспокойство вызывало то, что запас регенеративных пластин, необходимых для очистки воздуха от углекислого газа и пополнения запасов кислорода в отсеках подходил к концу. Подождав еще пару часов, командир ПЛ принял решение всплывать, не дожидаясь разрешения. Гробовую тишину отсеков прервал сигнал боевой тревоги.

– По местам стоять, к всплытию! – раздалась команда по ГГС.

Личный состав быстро занял свои места в соответствии с расписанием по всплытию. Антон приготовился докладывать глубину погружения. Взглянув на глубиномер, он опешил: стрелка глубиномера указывала на цифру 80 м, хотя он точно помнил, что при покладке на грунт глубина была 70 м.

– Витя, – обратился он к Борейко, – когда мы ложились на грунт, глубина погружения была 70 метров, а сейчас почти 80.

– А ты что, только заметил? – вопросом на вопрос ответил Борейко. – Наверное, мы легли на не очень ровное дно, и нас вероятно немного снесло. Я уже давно доложил об этом на ГКП.

– Откачать 3 тонны из уравнительной! – послышалась команда с ГКП, которая свидетельствовала, что всплытие началось, но стрелка глубиномера даже не шевельнулась.

Спустя несколько минут последовала команда осушить уравнительную цистерну полностью, но результат был тот же – стрелка глубиномера не шевелилась. Борейко приказал докладывать о малейшем изменении положения стрелки глубиномера. Всем стало ясно, что со всплытием что-то не получается. Прошло еще несколько напряженных минут. По отрывкам команд, которые были слышны по средствам связи, обитатели 7 отсека поняли, что какая-то неведомая сила удерживает подводную лодку на грунте.

– Продуть среднюю группу цистерн главного балласта! – раздалась с ГКП новая команда. Заревели ревуны, и моряки услышали, как из цистерн с шумом и клекотом вырывается воздух, но глубиномер по-прежнему показывал 80 м. Стрелка глубиномера даже не дрогнула.

– Продуть концевые группы цистерн главного балласта! – последовала очередная команда. Снова за бортом забурчали вода и воздух. Подводная лодка слегка дрожала, но не шевелилась. В отсеке повисла напряженная тишина. Каждый член экипажа размышлял, какая же сила должна удерживать подводную лодку, если после удаления с нее 300 тонн воды она продолжала лежать на грунте, и даже не шевелилась. Вася Митрохин вдруг вспомнил, как на одной из своих лекций Астан Николаевич Кесаев, Герой Советского Союза,

рассказывал, что с подводной лодкой, которой командовал Герой Советского Союза Коновалов, был подобный случай, когда при покладке на грунт она попала в расселину подводной скалы, и была зажата так, что не могла всплыть при полностью продутых цистернах главного балласта. Тогда командир лодки приказал открыть все переборочные двери и всему экипажу, кроме сидящих за горизонтальным и вертикальным рулями и личного состава БЧ-5[6], управляющего двигателями, бегать из носа в корму подлодки и обратно, чтобы раскачать ее. Опыт удался и подводная лодка, как пробка, вылетела на поверхность.

Об этом случае, видимо, знал и капитан 2-го ранга Григорьев, командир лодки, которая сейчас отчаянно пыталась вырваться из лап Посейдона. Пока Борейко раздумывал, как поделикатнее преподнести командиру лодки сведения, полученные от Василия, тот и сам уже принял решение опробовать этот способ. Он приказал открыть все переборочные двери и, оставив в отсеках по 1-2 человека, всем остальным перейти в первый отсек. Борейко тут же отправил всех, а сам остался на связи. Когда курсанты добрались до 1-го отсека, там уже яблоку негде было упасть. Поэтому не успели они переступить комингс двери, как старпом приказал всем бежать в 7-й отсек. Первым вырвался Василий, а вслед за ним – все остальные. Подбегая к переборочной двери из 5-го в 6-й отсек, Антон споткнулся, но тут же вскочил и влетел в открытую дверь, больно ударившись левой ногой о комингс. Резкая боль в ноге заставила его согнуться и отпрыгнуть в сторону, чтобы не мешать остальным. Приподняв левую брючину, он увидел ручеек крови, бегущий в тапочек, и совсем небольшой лоскутик кожи, содранный с ноги на уровне комингса двери. Пока он занимался своей травмой, в 6-й и 7-й отсек набилось полно народу, готового снова ринуться в обратный путь, но ни носовой, ни кормовой глубиномеры изменения глубины хотя бы на миллиметр не показали. Выслушав доклады командиров 1-го и 7-го отсеков, командир ПЛ приказал морякам занять места в соответствии с расписанием по всплытию и задраить водонепроницаемые переборки. После нескольких попыток раскачать ПЛ, с помощью подачи «пузырей» поочередно в носовую и в кормовую группу цистерн главного балласта, командир приказал отдать оба аварийных буя. По приказанию Борейко Антон попытался отдать кормовой аварийный буй, но маховик буя почему-то вращаться не хотел. Вася Митрохин, находившийся рядом с ним, подскочил к маховику и со словами: «каши надо больше есть!», легко завращал маховик. Борейко, стоящий у переговорного устройства, озадаченно посмотрел на Василия.

– Аварийный буй отдан! – четко доложил тот, но Борейко недоверчиво покачал головой и сам подошел и крутанул маховик.

– Странно, – проворчал он, – почему же не было слышно, как разматывался буйреп?

Все с тем же озабоченным видом он вернулся к «переговорке» и доложил:

– Центральный, кормовой аварийный буй отдан.

Вскоре была объявлена боевая готовность № 2. Всему личному составу было приказано отдыхать в койках в целях экономии кислорода. Даже вахту у механизмов и устройств, где позволяла обстановка, разрешили нести, лежа в койке. Время шло, а телефоны аварийных буев хранили молчание. Подходили к концу уже вторые сутки пребывания на грунте. В корабельные регенерационные установки уже зарядили остаток пластин. В результате манипуляций с воздухом поднялось давление в отсеках, но дышать стало труднее. Медленно, но неуклонно стало повышаться содержание углекислого газа в отсеках. Лежа на втором ярусе в подвесной койке, сквозь полудрему Антон наблюдал, как Борейко время от времени подходил к переговорной трубе и докладывал о состоянии дел в отсеке. Движения «Бормана» были неуверенными и замедленными как в немом кино. Любой подводник знает, что при увеличении содержания углекислого газа в отсеке до 2,5-3%, он превращается в братскую могилу. Какое-то безразличие постепенно овладевало всем существом. Антон повернулся к переборке. Ему больно было смотреть на серые, землистые лица товарищей, покрытые крупными каплями пота, хотя в отсеке было далеко не жарко. Он попытался уснуть, и, кажется, это ему удалось. Очнулся он от крика и каких-то странных звуков. Резко повернувшись на другой бок, он увидел, что отсек залит водой, а посреди отсека по колена в воде толкутся здоровяк Борейко и хилый, но жилистый матрос Разгуляев, молодой трюмный, только перед выходом прибывший из учебного отряда. Борейко схватил его за горло и орал:

- Что же ты наделал, скотина? Я же тебе приказал откачать воду из цистерны, а не давать туда воздух высокого давления!

Антон спрыгнул с койки, но Василий Митрохин оказался шустрее. Он первым подбежал к Борейко, схватил его за руки и попытался оторвать его от Разгуляева. Только теперь до Антона дошло, что это не сон. Вдвоем с Василием они оторвали руки Борейко от трюмного. Разгуляев долго и судорожно глотал воздух, даже не пытаясь оправдываться. Борейко как-то сразу сник, отошел к своей койке и рухнул на нее, как подкошенный. Оказалось, надеясь на чудо, командир приказал удалить воду со всех имеющихся на лодке цистерн. Матрос Разгуляев, получив приказание откачать воду из цистерны кольцевого зазора, клапана которой на тот момент были открыты, по ошибке закрыл их и дал в них воздух высокого давления. Трубопроводы лопнули, и вся вода выхлестнулась в отсек. Отдышавшись, Разгуляев откачал аварийным насосом воду из

отсека. Только сырой спертый воздух в отсеке да мокрая, вонючая одежда после непредвиденной купели, напоминали о недавнем происшествии. Содержание углекислого газа в отсеке подбиралось уже к двум процентам. Вдруг переборочная дверь, ведущая в 6-й отсек открылась, и в проеме двери появилась голова старшины команды электриков Петрова. Как всегда, улыбаясь, он вошел в отсек и, не задраивая кремальеры, сказал:

– Витя, ты мужик здоровый, командир приказал провернуть гребные винты. Он решил всплывать на электромоторах, а механики еле на ногах стоят, совсем сдали от кислородного голодания.

– Всплывать на электромоторах с грунта? Это что-то новое – удивился Борейко.

– А у тебя есть идея получше? – как-то непривычно грустно спросил Петров.

– Ладно, не будем препираться, а что касается винтов, то у меня есть мужик покрепче. Возьми курсанта! – и он указал глазами на Василия. – Он как бугай здоровый.

Вася не заставил себя долго уговаривать. Тут же соскочил с койки и вслед за Петровым вышел в другой отсек. Не прошло и пяти минут, как он вернулся и, довольно улыбаясь, сказал:

– Полный порядок, винты провернулись.

Не успел он закончить свой победный доклад, как зазвучал сигнал боевой тревоги и вслед за ним раздалась команда:

– По местам стоять, к всплытию! Командирам 1-го и 7-го отсеков докладывать о малейшем изменении показаний глубиномеров.

Прошло еще несколько томительных секунд, показавшихся вечностью, как вдруг вся команда отсека почувствовала, как корпус лодки задрожал и она медленно двинулась вперед. Стрелка глубиномера дернулась и медленно поползла вверх. Натужно взвыли электродвигатели.

– Всплываем, – радостно закричал Антон. – Глубина 77 метров.

Борейко, стоя у переговорной трубы, невозмутимо продублировал:

– Центральный, седьмой отсек – глубина 77 метров.

– Стоп электромоторы. Оба самый малый назад! – последовала очередная команда с ГКП. Гребные винты замолкли и, несколько секунд спустя, запели снова, но уже более спокойно. Подлодка, только что имевшая дифферент на корму, начала выравниваться. Электромоторы замолкли снова. Вдруг появился крен на левый борт.

– Оба самый малый вперед!

Моторы запели с новой силой и вдруг словно поперхнулись. Лодка задрожала, клюнула носом и вдруг стремительно понеслась ввысь. Тут же зазвенел телефон аварийного буя 7-го отсека. Борейко схватил трубку, но она безмолвствовала.

– Алло, алло, Вас слушают. Центральный, над нами кто-то есть. Телефон звонит, но никого не слышно. Алло, алло!

Аварийный сигнальный буй представляет собой стальной, герметичный поплавок, оборудованный сигнальной лампой красного проблескового огня в верхней части и телефоном внутри буя, который связан с телефоном, установленным в 7-м или 1-м отсеке. Аварийный сигнальный буй связан с подводной лодкой с помощью трос-кабеля. Трос-кабель удерживает буй и подает питание на сигнальную лампу и на телефоны. Звонок, прозвучавший в отсеке, означал, что какое-то судно обнаружило буй и пытается связаться с подводной лодкой, терпящей бедствие. Подлодка продолжала стремительно лететь вверх. Нарастал крен на левый борт и дифферент на нос. Секунды, за которые подлодка пролетела оставшиеся метры до поверхности, тянулись очень долго. Дифферент на нос достиг угрожающей величины 15 градусов. При дифференте более 15-16 градусов возможно выливание электролита из аккумуляторных батарей и взрыв ПЛ. Но на сей раз все обошлось. Подлодка пробкой выскочила на поверхность воды. Крен и дифферент выровнялись, и субмарина плавно закачалась на морской волне.

– Отдраить верхний рубочный люк! – скомандовал вахтенный офицер.

Но отдраить рубочный люк не удалось, что-то прочно удерживало его в закрытом состоянии. Тогда командир ПЛ приказал отдраить торпедопогрузочный люк. Когда вахтенный офицер и сигнальщик вышли на верхнюю палубу, их взорам представилась удивительная картина. Все шпигаты и ходовая рубка были забиты вязким плотным илом, а с носа в корму, перехлестнувшись через рубку, тянулся надраенный, как струна, трос-кабель аварийного сигнального буя. И носовой и кормовой аварийные сигнальные буи были оторваны, их трос-кабели намотались на оба винта. Поскольку морская вода является хорошим электролитом, то она заменила контактные группы телефонов, и они названивали до сих пор. Дул резкий северо-восточный ветер, относя подлодку, лишенную хода, в сторону от чуть различимой суши. С берега замигал луч прожектора. Сигнальщик ответил. Это оказался Пост наблюдения и связи, установленный на юго-западном берегу острова Кильдин. Когда штурман уточнил местоположение, оказалось, что ошибка в счислении была более двух десятков миль и вместо полигона, на территории которого должна была лечь на грунт ПЛ, она оказалась в районе свалки грунта юго-западнее о. Кильдин. Ни одного корабля или гражданского судна поблизости не оказалось. Зато с поста наблюдения и связи сообщили, что лодка уже давно разыскивается и вскоре к ней подойдет морской тральщик. Действительно минут через двадцать сигнальщик обнаружил морской тральщик, идущий курсом прямо на ПЛ. Вскоре морской тральщик

взял потерявшую ход ПЛ на буксир и доставил ее в Урагубу. Почти сразу по прибытии старпом вызвал к себе всех курсантов, вручил им проездные до Риги, и отправил в училище, посоветовав поменьше рассказывать о двух с половиной сутках, проведенных на дне морском. На этом очередная практика на подлодке для Антона и его товарищей закончилась. На память об этом происшествии Антону на всю жизнь осталась пустяковая рана на левой ноге, которая не заживала долгие годы. Прибывшие чуть позже курсанты, проходившие практику в Сайдагубе, рассказали, что за героические действия по спасению экипажа и самой лодки, попавшей в экстремальные условия, командир ПЛ получил предупреждение о неполном служебном соответствии и начет в сумме трех месячных денежных окладов за утерю двух аварийных буев.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. С-173 – дизель-электрическая подводная лодка проекта 613.
2. ПЛ – подводная лодка.
3. КСФ – Краснознаменный Северный флот.
4. ГКП – главный командный пункт.
5. ГГС – громкоговорящая связь.
6. БЧ – боевая часть.

Персоналії. Рецензії. Хроніка.

Бузейчук В.М. (*Одеса*)

ГЕНЕРАЛ, ІСТОРИК, АРХІВІСТ
(до 130-річчя від дня народження О.О. Рябініна-Скляревського)

Одеські історики та архівні працівники 1920-х – 1930-х років добре знали немолодого сухенького чоловіка в окулярах, який з легкістю міг замінити будь-який каталог чи путівник по Одеському обласному історичному архіву, оскільки робота в його фондах була для нього не лише професією, а й духовною та розумовою необхідністю. Він був постійним учасником засідань та доповідачем Одеської комісії краєзнавства, Одеського бібліографічного та Одеського наукового товариств, Історично-філологічної секції Української академії наук, викладачем Інституту народної освіти та Артилерійської школи. І навряд чи хто здогадувався, що спілкується з колишнім генералом двох армій – російської імператорської та української, кавалером декількох бойових орденів. Звали цього чоловіка Олександр Олександрович Рябінін-Скляревський.

Олександр Рябінін народився 11 (24 за нов. ст.) травня 1878 року у містечку Салігалич неподалік Костроми. Навчався у реальному училищі. 1897 року вступив до Казанського юнкерського училища, яке закінчив у 1899 році. Молодого офіцера служба перевіряла досить ретельно. Бюрократична машина з частини в частину кидала справно, і встиг він послужити командиром взводу, напівроти (зустрічався інколи такий підрозділ), ротним. 1903 року капітанові Рябініну вдалося вступити до Миколаївської Академії Генерального Штабу у Санкт-Петербурзі. Проте довго навчатись йому не довелося. Почалась російсько-японська війна. Двічі Олександр Рябінін писав рапорт про відкомандирування його до району бойових дій і діставав відмову. Лише третього разу начальство здалося, й дало дозвіл на участь капітана Рябініна у далекосхідній кампанії. Під кінець травня 1904 р. він отримав призначення до 4-го Сибірського корпусу, що розташовувався в Манчжурії. 1 червня Рябінін вирушив на війну. Командування 4-го корпусу розмістило майбутнього генштабіста на посаді офіцера з інженерного забезпечення при штабі 7-го Красненського піхотного полку. Неодноразово доводилось капітанові зустрічати атаки японців у окопах на позиціях свого полку, на собі перевіряючи надійність результатів своєї роботи. Продовжувалось це більше року, й лише 6 вересня 1905 року (за спогадами самого Рябініна) він із Манчжурії виїхав до Петербурга для продовження навчання в

Академії. Здобуття вищої військової освіти продовжувалось до 1908 року, паралельно Олександр Олександрович навчається в одному в Петербурзькому археологічному інституті, де опановує історичну науку. Після закінчення Академії штабс-капітана Рябініна направили до Одеси – командиром роти 59-го Люблінського полку. Командиром полку на той час був генерал Дмитро Скляревський. У генерала було дві дочки-красуні, і так сталося, що зі старшою з них – Марією – Олександра Рябініна поєднали ніжні почуття, які у 1910 році оформились згідно закону: молоді люди одружились. Молодша донька командира полку пізніше теж стала дружиною офіцера – серце дівчини завоював одесит Всеволод Змієнко, майбутній начальник штабу Одеської гайдамацької дивізії, а згодом – генерал-хорунжий Української армії.

Невдовзі подружжя Рябініних-Скляревських вирушило до столиці імперії – здібного офіцера запросили до праці у Генеральному Штабі. Дослідники стверджують, що він встигав ще й викладати у декількох навчальних закладах та писати наукові праці з військової історії. Одна з монографій – «Балканська війна» (1913 р.) – мала настільки високий науковий рівень, що була використана при укладенні декількох видань енциклопедій та спеціальних словників. Можливо, приблизно 1911-1912 року Рябінін-Скляревський служив десь у Волинській губернії, оскільки одна з його книжок була видана у цей час в Рівному, і присвячена вона була давній історії Волині.

З початком Першої Світової війни Рябінін-Скляревський знову вирушає на фронт як штаб-офіцер з особливих доручень при штабові одного з корпусів (ймовірно, 26-го піхотного). У ході війни Олександр Олександрович уже отримав чин полковника й став командиром 169-го Новотроїцького полку, а 1917 року був підвищений у званні до генерала.

З розвитком революційних подій, після постання Української Народної Республіки зголосився до служби в Українській армії і, як стверджує Г. Зленко, з грудня 1917 по лютий 1918 року виконував обов’язки начальника штабу 26-го корпусу. На Румунському фронті за наказом Військового секретаріату Центральної Ради зібрав вояків-українців із залишків дивізій російської армії та перевіз їх на Полтавщину для формування українських військових частин, після чого деякий час (до 1920 року) служив уповноваженим Штабу армії УНР.

Звільнившись з військової служби, оселився з дружиною в Одесі. Донька Всеволода Змієнка Галина згадувала, що Олександр Олександрович та Марія Дмитрівна проживали в Цегельному провулку, буд. 4. Галина та двоє її братів на початку 1920-х років проживали разом з ними, оскільки Всеволод Юхимович продовжував служити в Українській армії, а мати на цей час вже померла. Марія

Дмитрівна взяла на себе турботи по вихованню дітей своєї сестри. Олександр Рябінін-Скляревський у 1920 році працював службовцем Всеукраїнського товариства допомоги жертвам інтервенції, а з 1921 року – співробітником Одеського краєвого та відомчих архівів.

Деякий час Олександр Олександрович викладав історію в Одеському інституті народної освіти, Артилерійській школі. Але головним зацікавленням залишалось вивчення архівних документів та наукова робота. Праці Рябініна-Скляревського дедалі більше друкуються в газетах, наукових журналах (зокрема, «Україна», «Летопись революции», «Життя і революція», тощо). З 1923 року, коли в Одесі організувалась Краєзнавча комісія, Олександр Олександрович став її співробітником, а з 1925 – секретарем соціально-історичної секції Комісії. Спільна наукова праця зумовила творчі контакти з відомими одеськими науковцями: С. Дложевським, Р. Волковим, Є. Трифільєвим, М. Слабченком, Б. Комаровим, К. Копержинським, А. Музичкою та багатьма іншими. Думається, що певне знайомство мало бути в Рябініна-Скляревського з Доротеєю Атлас, однією з найвідоміших зараз істориків Одеси, автором книги «Старая Одесса, ее друзья и недруги», адже, як і Рябінін-Скляревський, вона теж від початку роботи Комісії входила до її складу.

Протягом 1920-х років вчений активно займався дослідницькою роботою. Він уважався одним з найкращих спеціалістів з архівної справи в Одесі, брав активну участь в їх упорядкуванні. 1926 року працював у комісії по передачі матеріалів музеїв та бібліотек до архіву. Часто його прохали допомогти в роботі з архівними документами іноземним науковцям. Так, протягом 1928 – 1929 рр. декілька разів працював в Одеському архіві німецький історик Ґ. Ляйббрандт, якому допомагав О. Рябінін-Скляревський. Основними науковими зацікавленнями Олександра Олександровича були такі теми, як діяльність «Громади», революція 1905 – 1907 років, історія козацтва. Наразі відомо більше 60 наукових праць історика, з яких опубліковано близько півсотні. Найзначнішою ж працею вважається його участь у виданні «Архів Запорозької Січі: Опис матеріалів», який не одному дослідникові історії козацтва прислужився в науковій праці. Велике значення та наукову вартість статей Рябініна-Скляревського про задунайське козацтво неодноразово відзначали відомі історики, зокрема Н. Полонська-Василенко, автори «Історії українського війська», А. Бачинський, О. Бачинська, інші науковці. Слід зауважити, що більшість статей Олександра Олександровича (нагадаємо, уродженця російської глибинки) написані чудовою українською мовою, там практично неможливо зустріти випадки вживання русизмів чи суржику.

Але роки, проведені у царській та українській арміях не минули для історика безслідно. 1931 року його заарештовує ДПУ у зв'язку з діяльністю т. зв. «Одеської контрреволюційної військово-офіцерської

організації» та справою СВУ. Протягом 9 місяців Рябінін-Скляревський перебував під слідством, а головним доказом його вини були бойові нагороди часів Першої Світової. Цього разу історика звільнили за відсутністю доказів. Після даного випадку у вченого не лише значно погіршилося здоров'я, а й виникли проблеми з роботою та науковою діяльністю. Публікації його стають підкреслено нейтральними, головним чином бібліографічного напряму.

Проте у 1937 році, у часі наймасштабніших репресій, вченого знову заарештували. Саме тоді розгорталась кримінальна справа «Антирадянської німецької організації викладачів Одеського педагогічного інституту». На підставі контактів Рябініна-Скляревського зі згаданим Ґ. Ляйббрандтом, використавши свідчення одного з викладачів інституту Мікваца, архівіста звинуватили у шпигунстві на користь польської та німецької розвідок. Начебто з допомогою Рябініна-Скляревського контрреволюціонери отримували матеріали з архівних фондів німецької окупаційної влади. За статтею 54-1а Олександра Олександровича засудили до 10 років виправних робіт у таборах. З цієї «мандрівки» він уже не повернувся, загинувши десь у безкраїх просторах Сибіру. Зараз навіть ніхто не може сказати, де він похований. Лише дехто з сучасних істориків намагається визначити місце ув'язнення та загибелі вченого, вказуючи, що скоріш за все помер він 1942 року у Свердловській області. Дружина Олександра Олександровича, Марія Дмитрівна Скляревська, померла 1964 року, похована в Одесі на Другому християнському кладовищі. На цьому завершилась історія сім'ї Рябініних-Скляревських. А безпідставність звинувачень фігурантів кримінальної справи 1937 року визнали лише у 1968-му постановою Одеського обласного суду.

На щастя, коли з'явилась можливість повернути забуті імена в історію нашої науки, знайшлись небайдужі люди, що взялись до цієї справи. Спочатку коротенькими довідками (як замітка Л. Гісцової), газетними та журнальними статтями (Г. Зленка та інших авторів) почала поповнюватись бібліографія творів про життя та діяльність Олександра Олександровича Рябініна-Скляревського. 2000 року побачила світ перша книжка про визначного історика-архівіста – «А.А. Рябинин-Скляревский: материалы к биографии» Г. Малинової та І. Сапожникова, а у 2001 частину своїх спогадів про дядька опублікувала донька генерала В. Змієнка – Галина Сенишин – у книзі «Пересаджені квіти України».

У біографії та науковій спадщині вченого залишається безліч «білих плям», а справа їх дослідження наразі перебуває на початковому етапі. Є сподівання, що на цьому вона не завершиться, і поступово «плям» ставатиме все менше.

ЗМІСТ